
ПИОНЕР
21
1929
Молодая Гвардия

ПОД ЗНАМЕНЕМ ОКТЯБРЯ

ФЕЛИКС КОН

Как удар громовой, 12 лет тому назад пронеслась по всему миру весть о том, что пролетариат России вступил в последний решительный бой со своим класовым врагом.

Глумлением и насмешкой встретил капиталистический мир эту весть. Он был уверен в своей победе над темными, как он это представлял себе, ничего не смыслящими в управлении государственными делами, невежественными рабочими, „солдатней“, „деревенщиной“.

Он не понимал, а поэтому не учел того, что за все время существования человечества в первый раз в этой войне трудящиеся проливали свою кровь за свои права, за права рабочих и крестьян, что сознание этого превращало борцов в самоотверженных героев, должно было обеспечить за ними победу.

С этого момента прошло 12 лет. За это время на фронтах гражданской войны погибло много безвестных героев, создавших возможность для борцов революции превратиться в упорных строителей социализма, вырастить смену и гигантскими шагами двинуться по пути, намеченному Лениным.

Вокруг партии сплотились миллионы, и эти миллионы строят и построят социализм. То, что происходит в настоящее время в СССР— проведение пятилетнего плана, социалистическое соревнование, переход на непрерывную неделю, изо дня в день растущее число колхозов и совхозов—все это явления, которые под силу только миллионам сознательных рабочих и крестьян. И чем мощнее становятся основы этой твердыни социализма, тем свирепее обороняется гибнущий мир эксплоатиции, тем яростнее выступает он против социалистического отечества трудящихся всего мира. Внутри СССР кулачье и нэпманы убийствами и вредительством, попытками разложить аппарат, противодействием хлебозаготовкам, спаиванием и застращиванием пытаются остановить колесо истории. Мировая буржуазия вкупе и влюбе со II Интернационалом вновь готовится к интервенции, организует антисоветские блоки, провоцирует СССР такими наглыми выпадами, как захват Китайско-Восточной железной дороги. Но в этих своих вожделениях и мировой буржуазии и ее социал-демократическим прихвостням приходится наталкиваться не только на сплоченный отпор рабочих и крестьян СССР. И за рубежом пролетариат зорко следит за действиями своей буржуазии и демонстрациями, и протестами выявляет свое отношение к обоим „отечествам“—буржуазному, против которого он ведет борьбу, и социалистическому отечеству всех трудящихся – СССР, которое он защищает всеми доступными для него средствами. И по всему лицу капиталистического мира из полицейских застенков и тюрем раздаются стоны пытаемых и подвергаемых всевозможным издевательствам борцов за социализм, за СССР. Объединение пролетариев всего мира в действии и борьбе, углубление классовой сознательности рабочих осуществляется.

МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЕСТЬ ДЕЛО НЕ ТОЛЬКО РАБОЧИХ, НО И ДЕТЕЙ РАБОЧИХ

В момент, когда весь международный пролетариат празднует 12-летие пролетарской революции, когда пролетариат СССР вместе с крестьянством изо дня в день регистрирует новые достижения в социалистическом строительстве, временная стабилизация капитализма в буржуазных странах, достигнутая ценой огромных жертв и страданий, рушится. Пролетариат Запада готовится к новому штурму. Применяемые к нему репрессии не ослабляют движения. Наоборот, оно становится решительнее, мощнее, организованнее. Лозунг: „завоевание масс, привлечение их к борьбе за осуществление заветов Ленина“ поставлен в порядок дня III Интернационала, и он будет осуществлен.

Хотя положение еще не непосредственно революционное, но момент всемирного Октября приближается. Уж не призрак революции реет над капиталистическим миром, а действительная всесокрушающая революция. 12 лет тому назад сделан был первый шаг, освободивший шестую часть земного шара от ига, гнета и эксплоатации. Близится момент освобождения пролетариата и других стран. Под знаменем Ленина, под знаменем Октября двинется пролетарская рать в последний решительный бой и под этим знаменем победит.

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во «Молодая Гвардия», редакция журн. «Пионер»

Редколлегия: И. ЖЕЛОБОВСКИЙ, Б. ИВАНТЕР, И. РАЗИН, И. ХАЛТУРИН, М. ЭПШТЕЙН. Отв. редактор И. РАЗИН.

Москва, Главлит А 50578. Изд. № 3792. „Мосполиграф“, 16-я тип., Трехпрудный пер., 9. 32.000 экз.

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

НОЯБРЬ
№ 21

ПИОНЕР

двухнедельный иллюстрированный детский журнал

Орган ЦБ детской коммунистической организации имени В. И. Ленина при ЦК ВЛКСМ, МБ юных пионеров при МК ВЛКСМ и Наркомпроса

В. И. Ленин

ПОБЕДА ИЛИ СМЕРТЬ

Мы печатаем речь Владимира Ильича, произнесенную 7 ноября 1918 г. при закладке мемориальной доски борцам Октябрьской революции.

В следующих номерах мы будем помещать речи и статьи ЛЕНИНА по другим вопросам.

«Товарищи! Мы открываем памятник передовым борцам Октябрьской революции 1917 года. Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм.

Товарищи! История России за целый ряд десятилетий нового времени показывает нам длинный мартиролог революционеров. Тысячи и тысячи гибли в борьбе с царизмом. Их гибель будила новых борцов, поднимала на борьбу все более и более широкие массы.

На долю павших в октябрьские дни прошлого года товарищей досталось великое счастье победы. Величайшая почесть, о которой мечтали революционные вожди человечества, оказалась их достоянием: эта почесть состояла в том, что по телам доблестно павших в бою товарищей прошли тысячи и миллионы новых борцов, столь же бесстрашных, обеспечивших этим героизмом массе победу.

Теперь во всех странах кипит и бурлит возмущение рабочих. В целом ряде стран поднимается рабочая социалистическая революция. Капиталисты всего мира в ужасе и озлоблении спешат соединиться для подавления восстания. И особенную ненависть внушает им Социалистическая Советская Республика России. На нас готовится поход объединенных империалистов всех стран, на нас обрушиваются новые битвы, нас ждут новые жертвы.

Товарищи! Почтим же память октябрьских борцов тем, что перед их памятником дадим себе клятву итти по их следам, подражать их бесстрашию, их героизму. Пусть их лозунг станет лозунгом нашим, лозунгом восставших рабочих всех стран. Этот лозунг—победа или смерть!

И с этим лозунгом борцы международной социалистической революции пролетариата будут непобедимы».

Миллионы юных ленинцев—лучший памятник Ильичу

НА СТРАЖЕ

Из повести Б. БУХШТАБА
Рисунки П. КУЗЬМИЧЕВА

В этом году исполнилось пятьдесят лет с основания революционной партии „Народная Воля“. Одно из предприятий этой героической партии описано в новой повести Бориса Бухштаба „На страже“. В то время главным учреждением для борьбы с революционерами было „Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии“. И вот народовольцам удалось устроить чиновником в это „Третье отделение“ революционера Клеточникова. Как они это сделали—в двух словах, конечно, не скажешь. Клеточников, благодаря замечательным способностям, быстро выдвинулся в Третьем отделении, забрал в свои руки все дела, и все, что мог узнать, сообщал народовольцам. И при обысках жандармы ничего не находили, в выданных предателями тайных квартирах никого не оказывалось, а те, за кем следили шпионы, вдруг проваливались, как сквозь землю. Так продолжалось около двух лет. За это время Клеточников не раз был на краю провала, но каждый раз с необыкновенным хладнокровием и ловкостью отводил от себя подозрения. Когда он, наконец, попался,—его приговорили к смерти на виселице. Мы печатаем здесь две последние главы повести. В них описано, что было с Клеточниковым после приговора. Повесть скоро выйдет отдельной книжкой в издательстве „Молодая Гвардия“.

ВСТРЕЧА СОСЛУЖИВЦЕВ

Два года изо дня в день ходил сюда Клеточников, теперь довелось приехать в карете. Щелкнул замок, ворота отворились, и карета въехала в узкий и длинный двор Третьего отделения. Она проехала мимо того подъезда, в который Клеточников входил каждое утро, и остановилась у следующего. Один из жандармов вышел из кареты и направился к подъезду. Минут через десять он вернулся и велел Клеточникову выйти и итти за ним. Второй жандарм следовал за Клеточниковым. Так между двух провожатых поднялся Клеточников по лестнице на площадку второго этажа, и передний взялся за ручку двери, на которой красовалась большая медная доска с надписью: „Канцелярия для производства дел по преступлениям государственным“.

— Сюда!—сказал он, пропуская Клеточникова.

Клеточников вошел в большую пустую комнату, в конце которой стоял стол. За столом сидели два человека—один в жандармской форме, другой в чиновничьем мундире. Лиц их Клеточников по близорукости не мог разглядеть.

— Подойдите,—крикнул жандарм.

Клеточников подошел и узнал в чиновнике Кириллова.

Некоторое время Кириллов не говорил ни слова, только глядел на Клеточникова.

— Попались, господин Клеточников?—произнес он, наконец, тихо и грозно.

Клеточников не ответил.

— Что же вы думали? Что так никогда ничего и не откроется? Уж такие мы дураки? Да и правда!—его взорвало, он сразу начал кричать.—Действительно, дураки! Когда обнаружилось, что две курсистки знали об обыске, когда ясно было, что среди нас есть предатель, мы и тогда не догадались, не разыскали! То-то смеялись вы над нами! Ну, а теперь наш черед смеяться! Нет, вы посмотрите на его лицо,—обратился он к своему соседу,—посмотрите на эту честную, постную харю,—да разве не видно по ней, что это—мошенник? Как же он мог водить нас два года? Розыски проваливались, на обысках ничего не находили, а мы не понимали, в чем дело!

— Но разве я мог предполагать, что вы—такой дурак?—повернулся он опять к Клеточникову.—Вам предстояла блестящая карьера, я хотел сделать вас своим помощником, при ваших способностях вы могли бы пойти еще дальше и иметь такие доходы...—Кириллов покосился на следователя и оборвал фразу.—А вы предпочли продавать нас революционерам! Сколько вам платили? Отвечайте! Подлец!—заорал он, окончательно разъярившись.

— И это вы называете меня подлецом?—сказал Клеточников.—Вы, который рад бы всю страну обратить в подлецов и предателей! Знайте: я никогда никого не продавал, даже ваше мерзкое учреждение. Я счастлив, что могу, наконец, не притворяться и говорить с вами искренно.

— Вы белиберды не несите и зубы не заговаривайте!—закричал Кириллов.—Вижу я вашу искренность! Не вывернетесь! Теперь у нас достаточно улик, что вы доставляли сведения революционерам.

— Я не отрицаю этого. Но я делал это не для денег и никогда не получал ни копейки.

Глубокое изумление изобразилось на лице Кириллова.

— Как так? Не для денег? Для чего же тогда?

— Для того, чтобы помочь революционерам в их борьбе.

— Вы... вы лжете,—сказал Кириллов.—Этого быть не может. Уж если чиновники Третьего отделения поддаются на идеи, тогда... Да, нет!—сообразил он.—Вы думаете, что этими баснями уменьшите наказание? Глупо, любезный! Так еще хуже получается, да и не поверит вам никто. Не увиливайте, говорите прямо: сколько получали?

— Еще раз повторяю вам, что никогда никаких денег я не брал. Наоборот, я отдавал на дело революции все, что мог, из своего жалованья. Мне было приятно, что ваши проклятые деньги пойдут на это дело. Они жгли мне руки. Поймите, что я поступил к вам только для того, чтобы быть полезным революции.

Кириллов изменился в лице. Он смотрел на человека, сидевшего против него так, как будто бы он видел его в первый раз. До сих пор ему представлялось, что это тот самый Клеточников, Николай Васильевич, его чиновник,—подло смошенничавший, правда, жестоко сглупивший, не оправдавший его доверия, но все-таки тот самый человек. Оказывалось, перед ним кто-то совсем другой, а того никогда и не было. Маска была.

— Вот что!—сказал он, наконец.—Вот вы кто! Ну простите: не понял сразу. Так это я, оказывается, сам к себе на службу революционера принял! Теперь я только понимаю, как вы насмеялись над нами! Ну, да мы сумеем вам отплатить! Дело ваше выходит еще хуже, чем я думал. Не миновать вам теперь—он провел пальцем по шее—намыленной веревки! Простите, господин подполковник,—обратился он к следователю, что задержал ваше объяснение с этим висельником, хотелось взглянуть на дорогого сослуживца. Честь имею кланяться, господин социалист!

Крупными шагами он вышел из комнаты.

— Фамилия, имя, отчество? — начал следователь.—Звание, вероисповедание, занятие?...

СУД

Как в тумане прошел суд. Клеточников плохо прислушивался к тому, что говорили и читали судьи. Приговор был известен заранее. Жить оставалось, может быть, месяц, может быть, неделю,—смотря по тому, сколько продлится суд. Клеточников старался свыкнуться с мыслью о скорой смерти. Но первый день суда принес ему большую нежданную радость. Он снова увидел Михайлова, которого не надеялся больше видеть, увидел Морозова, Колодкевича, Баранникова. Подсудимые сидели все вместе и шопотом беседовали.

Секретарь суда скучающим голосом читал бесконечный обвинительный акт. Клеточников то слушал, то утомленный погружался в свои мысли. Его фамилия, громко произнесенная секретарем, вывела его из задумчивости.

„Такое служебное положение Клеточникова,—читал секретарь,—свойство его занятий и особенное доверие его непосредственного начальства открыли ему свободный доступ ко всем наиболее секретным делам и распоряжениям по отношению к обнаружению и преследованию государственных преступлений и лиц, в них обвиняемых. Так, он составлял или переписывал секретные записки о результатах агентурных наблюдений, шифровал и дешифровал секретные телеграммы, вел переписку о лицах, содержащихся в Санкт-Петербургской крепости, и прочее. Поэтому обвиняемый был посвящен во все политические розыски, производившиеся не только в Санкт-Петербурге, но и вообще во всей империи. Все полученные таким образом сведения он своевременно передавал Михайлову, сообщал ему, за кем именно учреждено секретное наблюдение, предупреждал заранее о предположенных обысках, объявлял имена всех агентов и вообще открывал Михайлову все секретные данные“.

„Да,—думал Клеточников,—я все-таки немало сделал. Пусть впереди смерть. Я на год, на два меньше проживу, чем мог бы. Но разве мог бы я в двадцать лет моей прежней жизни так много сделать, как в эти два года? Теперь я могу сказать: я не прошел, как дым, не оставив следа; я не бессмысленно прожил жизнь!“

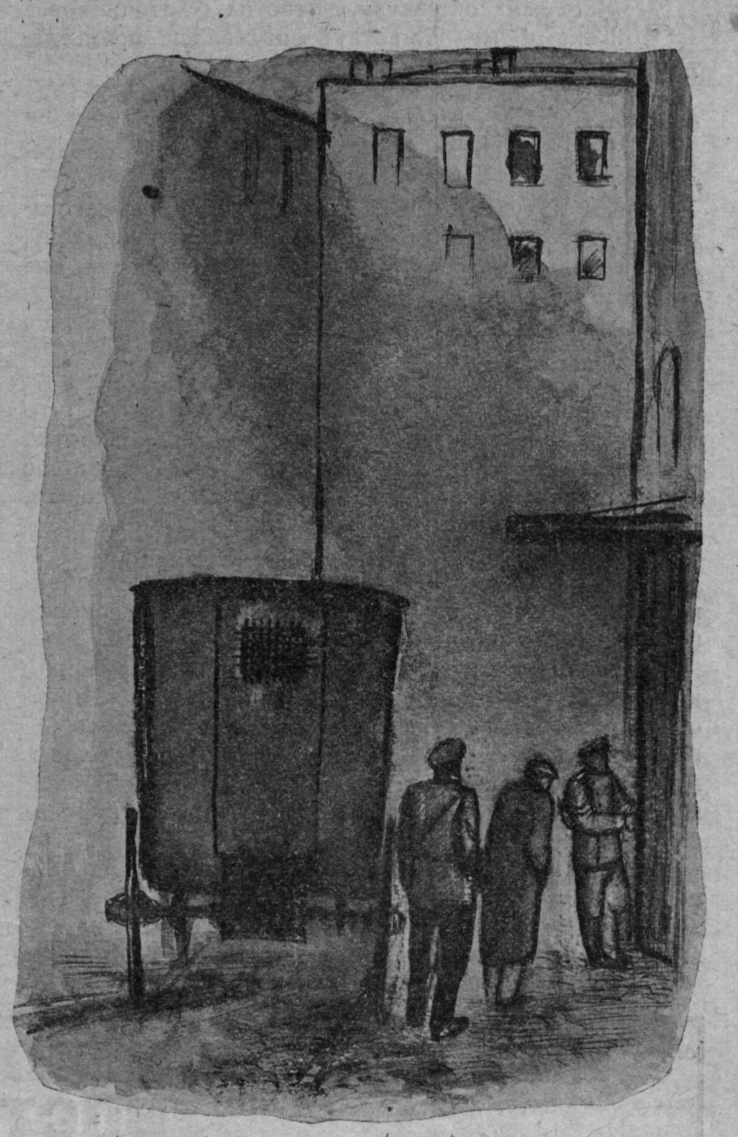
В большом зале стояла мертвая тишина; ничего, кроме голоса секретаря, не было слышно. В публике военные мундиры перемешались с чиновничьими. Посторонних на суд не пустили. Галлереи были пусты.

После прочтения обвинительного акта председатель объявил перерыв, и затем два дня Клеточникова не вызывали в зал, где шел суд. Там в это время разбирались дела, к которым Клеточников не имел отношения: покушение на царя, убийство шефа жандармов Мезенцева. Целыми днями сидел Клеточников под надзором жандармов в одной из задних комнат суда. Наконец, на третий день его вызвали. Между двух жандармов вошел он в зал. Его допрашивали очень недолго. Все уже было выяснено на предварительном следствии.

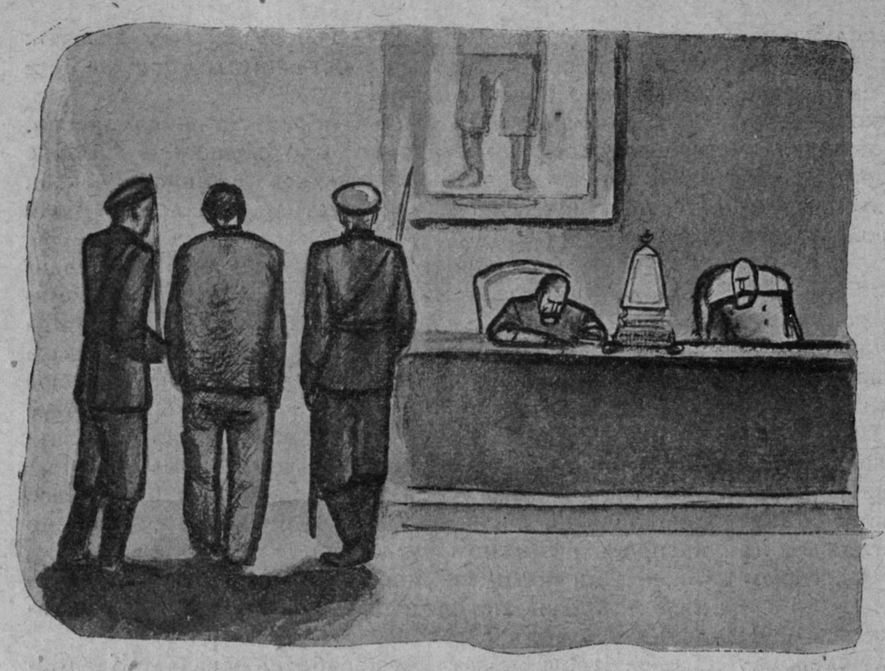
— Для чего вы поступили в Третье отделение?—спросил председатель, гладко выбритый, маленький старик с розовой лысиной.

— Чтобы мешать его работе,—сказал Клеточников.

— Кому же вы служили?—спрашивал председатель.

Клеточников шел между двумя жандармами.

За столом сидели два человека—один в жандармской форме, другой в чиновничьем мундире.

— Я служил обществу,—ответил Клеточников.

— Какому же обществу?—издевался председатель,—явному или тайному?

— Всему русскому обществу, всей честной России!—отвечал Клеточников.

— Ввести свидетелей, — распорядился председатель.

Ввели Кутузову. Она, плача, принялась рассказывать, как коварно обманул ее, беззащитную вдову, этот ужасный человек. Но, несмотря на слезы, она повидимому рада была случаю поговорить, и председатель не раз прерывал ее, прося не вдаваться в подробности.

Затем вошел Кириллов. Он держался таким же деревянным, как обычно. Ни гнева, ни стыда, что его так провели, уже не было заметно. Коротко рассказал он о службе Клеточникова. На вопрос председателя, был ли он доволен Клеточниковым, ответил, что „в общем был доволен“.

После этого Клеточникова опять увели.

На другой день в зал суда привели всех обвиняемых, и началась речь прокурора. Он говорил целый день и еще доканчивал на следующий.

„Отрицатели веры, бойцы всемирного разрушения и всеобщего дикого безначалия, противники нравственности, беспощадные развратители молодости“,—говорил он, с удовольствием слушая свой голос и красивыми движениями руки указывая на обвиняемых. Он требовал смертной казни для всех. Обвинялось двадцать два человека.

Подряд выступили семнадцать защитников. Говорили они неподолгу: дело было безнадежное. Потом судьи ушли совещаться и очень скоро вернулись с приговорами: десять человек—в том числе Михайлова и Кеточникова—приговорили к смерти, пять человек—и в их числе Морозова и Баранникова—к каторжным работам на всю жизнь, еще пять человек—к двадцати годам каторги, одного—к десяти годам и одного—к четырем.

МИЛОСТЬ

— Куда меня везут ночью? Уже вешать? Кажется, обычно вешают утром, но может быть надо еще выполнить какие-нибудь обряды?

Окна кареты были завешаны, жандармы не отвечали на вопросы.

Но вот по звуку стало слышно, что проехали мост. Карета остановилась, затем опять тронулась и вскоре остановилась окончательно. Жандарм открыл дверцы. Клеточников вышел. Войдя на невысокое каменное крыльцо и пройдя узкий коридор, Клеточников со своими спутниками очутился в высокой, длинной, грязной комнате. Вдоль ее стен тянулась деревянная скамья, на которую и уселись жандармы, посадив между собой и Клеточникова. Так сидели они в полном молчании минут пять. Потом в комнату вошел плотный румяный жандармский офицер с седой бородой. Спутники Клеточникова вскочили со скамьи и выпрямились.

— Ну, иди,—сказал офицер.—Я тебе говорю!—грубо крикнул он, видя, что арестант не шевелится.

Это „тебе“ больно резнуло Клеточникова. Он приготовился к смерти, но не ждал оскорблений.

— Ну да не все ли равно теперь!—говорил он себе, входя вслед за офицером в ярко освещенный коридор. В глубине его была открыта дверь, и у этой двери толпилась кучка жандармов. Когда Клеточников очутился перед дверью, его втолкнули в небольшую комнату, все убранство которой состояло из столика, табурета, кровати и умывальника.

— Я в Петропавловской крепости!—догадался Клеточников.— Отсюда, кажется, часто возят на казнь.

— Разденься!—крикнул офицер, как только Клеточников переступил порог камеры.

Клеточников положил на стол свою фуражку. Лишь только она коснулась стола, стоявший рядом жандарм подхватил ее и передал другому, тот третьему и в одно мгновенье фуражка исчезла из камеры. Трое жандармов быстро раздели Клеточникова и еще быстрее спровадили его одежду за порог камеры. Наконец он остался в одной рубашке.

— Сними рубашку. Садись! — буркнул офицер, и пара дюжих рук, надавив сзади на плечи Клеточникова, усадила его на табурет.

Теперь один из жандармов стал перебирать гребенкой его волосы, другой искал, не спрятано ли

ПОМНИ О БРАТЬЯХ НА ЗАПАДЕ И НА ВОСТОКЕ

чего-нибудь между пальцами ног, третий полез рукой ему в рот...

„Зачем это, зачем это, какая подлость! — думал Клеточников.—Не все ли равно, что будет у меня во рту, когда меня повесят?“

Но он не говорил ни слова, чтобы не доставлять врагам лишнего удовольствия.

Обыскали его так же быстро, как и раздели, и затем все вышли, оставив его голого среди камеры. Впрочем сейчас же дверь снова отворилась, и жандарм бросил на кровать охапку какого-то тряпья.

— Лампу не тушить!—крикнул он и вышел из камеры.

Дрожа от холода, Клеточников надел грубое белье и арестантский халат. Весь остаток ночи он проходил по камере. Ему хотелось перед смертью вспомнить всю свою жизнь, еще раз оценить ее и пойти на смерть совершенно спокойным. К утру, усталый, он прилег и забылся сном...

Месяц пробыл Клеточников в Трубецком бастионе— главной тюрьме Петропавловской крепости. Каждое утро ждал он смерти. В первые дни он чувствовал, что подготовился, что теперь ему не было бы трудно умереть. Но день проходил за днем все в том же ожидании, все в том же мучительном однообразии, и все тяжелее становилась мысль об ожидаемой смерти.

Наконец, как-то в обеденное время загремел засов, и вместо жандармов с обедом в камеру вошли смотритель тюрьмы, какой-то генерал и двое штатских.

— Ну, молитесь богу и благодарите государя!— сказал генерал, приближаясь к заключенному.—Его императорское величество по христианскому своему милосердию соизволил помиловать вас!

— Помиловал? — вырвалось у Клеточникова.

— Да. Он заменил вам смертную казнь пожизненными каторжными работами.

— „Все-таки жизнь!“— радостно подумал Клеточников.

—Значит, меня пошлют в Сибирь? — спросил он.

— Да, да, в Сибирь.

— И других приговоренных тоже?—воскликнул Клеточников.

— Я могу с вами говорить только о вашем приговоре,—ответил генерал и, вежливо раскланявшись, ушел.

Поздно ночью, когда страдавший бессонницей Клеточников, наконец, задремал, он почувствовал, что его будят.

Кто-то крикнул над ухом: „Вставай“.

— Вставай!—крикнул кто-то над его ухом, и чья-то рука ухватила его за плечо.

Клеточников открыл глаза и увидел перед собой круглое лицо с седой бородой. Он сразу узнал офицера, который принял его в крепость. За офицером стояли два жандармских солдата: один держал лампу, другой—шинель и шапку.

„Уже увозят в Сибирь?—подумал Клеточников.— Или переводят пока в другую тюрьму?“

Он с усилием приподнялся и стал одеваться.

— Скорей, скорей,— торопил офицер. — Как-нибудь завяжи. Тут недалеко.

Клеточников обулся, покорно надел шапку и халат, накинул шинель и пошел за офицером. Солдаты шли сзади. В коридоре было тихо, часовых не было видно. Спустились по лестнице в первый этаж и, выйдя через двор, повернули налево. Клеточников не мог разобрать, куда его ведут. Было совершенно темно, ничего не было видно, кроме крупных звезд на черном небе. В воздухе пахло весной. Шли недолго.

— Стой!—услышал Клеточников.

Он остановился. Перед ним было большое окошко, сквозь которое падал слабый свет. Благодаря этому Клеточников различил, как кто-то появился из темноты, подошел к нему и заглянул ему в упор в глаза. Клеточников успел рассмотреть только военную фуражку и щетинистые усы. В то же мгновенье он почувствовал, что его плечи зажаты сильными руками, почти поднявшими его на воздух. Он увидел, как светлое окошко темнеет и отходит вправо и понял, что это окно в воротах, которые открываются перед ним. На него упал тусклый свет отдаленного фонаря, и он заметил, что подхватившие его люди были два рослые жандарма. Они поволокли его вперед с такой быстротой, что он еле успевал переставлять ноги. Взглянув налево, он увидел черную поверхность Невы.

„Уж не топить ли меня тащат? — на мгновенье подумал он.—Не для того ли меня и помиловали, чтобы убить тайком? Не от того ли и вывели через внутренний двор, а не через прихожую, где меня увидела бы стража?“

Нет, его не вели ни влево, ни вправо. Вот фонарь, что он увидел издали, уже перед ним. Фонарь оказывается на мосту, переброшенном через канал. Клеточникова перевели через мост, и он вступил на какой-то островок. Впереди виднелось невысокое одноэтажное здание, к которому он быстро приближался. Клеточников взглянул на небо, на Неву, несколько раз глубоко вдохнул свежий ночной воздух. Подошли

к дому, щелкнул ключ, калитка отворилась, вошли в подворотню. Отворивший жандарм пошел впереди.

Маленький темный коридор. Клеточников споткнулся о ступеньку, но не упал, потому что жандармы не выпускали его из рук. Крутой поворот, снова щелкнул замок, и Клеточников опять очутился в тюремной камере.

— Разденься!—раздалось над его ухом.

Клеточников повернул голову и снова увидел того человека, который вглядывался в него у ворот. Клеточников сразу узнал его щетинистые подстриженные усы. В тот же миг он вспомнил, как когда-то в лесу под Пензой из травы вдруг поднялась маленькая головка и на него в упор посмотрели эти самые глаза: стеклянные, тупые, без всякой мысли, с выражением холодной, безжалостной и ровной злобы.

— Змея!—хочет он вскрикнуть, как тогда; но крик застревает в горле. Он раздевается. Его опять обыскивают также тщательно, как в Трубецком бастионе. Потом дают другую одежду, обувь и белье. Но какое белье! Оно сшито из такой дерюги, которая идет только на грубые мешки. Так жестка эта дерюга и так много в ней щепок, что Клеточников укололся, дотронувшись рукой до рубахи. Но делать было нечего.

— Главное дело —вдруг зашипел человек с подстриженными усами,—ни слова, ни полслова. Кто ты таков, как тебя зовут—этого знать мне нет надобности. Вот и все. Я здесь смотритель. Сидеть смирно, исполнять все, что я прикажу! Свистать, петь, говорить—нельзя. Лампу тушить нельзя. Звать меня не сметь ни в каком случае: я здесь сам бываю.

Клеточников молчал.

— Вздорить со мной я бы тебе не советовал!—добавил смотритель, угрожающе качая головой и сжав в кулак толстые пальцы.

— Как называется эта тюрьма?—спросил Клеточников.

— Этого знать тебе нет надобности!—был короткий ответ.

— Надолго ли меня перевели сюда?—решился еще спросить Клеточников.

Смотритель зловеще усмехнулся.

— Сколько прикажут, столько и будешь сидеть,—ответил он.—Спи теперь.

Смотритель сделал жандармам знак рукой, чтобы они выходили и повернулся сам к двери, но вдруг вспомнил еще что-то, обернулся к Клеточникову и произнес:

— Стуков чтобы не было никаких!

Пропустив жандармов в дверь, он еще раз обернулся с порога и прошипел:

— А с тебя тут взысканья будут стро-огие!

Клеточников понял, что смотритель отлично знает, кто он такой и за что попал сюда.

Когда дверь закрылась, Клеточников окинул взглядом камеру. Стол, стул, кровать, умывальник—все, как в Трубецком бастионе. На столе громадная кружка с водой и крохотная жестяная лампочка. При ее слабом свете была все-таки заметна окраска стен. Сверху стены были белые, но от пола на высоту в полчеловека они были не то выкрашены черной краской, не то обиты черным войлоком. Больше в камере ничего любопытного не было.

Клеточников откинул одеяло на кровати и ему бросилось в глаза черное квадратное клеймо на простыне. Он взял со стола лампу и поднес ее к постели. В квадрате чернели две буквы: „А. Р.“

Внезапно Клеточников понял все. Сибири не будет. Его обманули. Для вида, напоказ, помиловали и заключили в гроб. Теперь Клеточников знает, где он. „А. Р.“—Алексеевский равелин.

Алексеевский равелин! Таинственная тюрьма! Тюрьма, к которой ни один суд не может приговорить; куда можно заключить человека только по личному приказу царя, куда без царского разрешения не может прийти даже министр. Здесь люди не сменяются, сюда никто не принесет вестей с воли, отсюда до сих пор было только две дороги: в дом сумасшедших и в могилу.

(Окончание в следующем номере)

ОТВЕТ ШУРЕ КЛИМОВОЙ

ДОРОГАЯ ШУРА!

Мы хотели спросить у тебя: призадумывалась ли ты над вопросом почему все как один, начиная от твоих товарищей-пионеров, кончая твоим отцом, редакцией и Н. Богдановым, все выступают против тебя?

Начиная от твоего первого письма, где ты только лишь хочешь быть „артисткой для народа“—ты постепенно скатилась до „буржуйки“, „мещанки“, как говорят сами ребята. Ты уже теперь назначаешь цену своим выступлениям и в то же время бросаешь школу, не даешь себе отчета в своих поступках. В последнем письме ты пишешь: „Изучаю исторический материализм, потому что он нужен для поступления в кинотехникум“. Очень плохо, что ты его изучаешь только потому, что он нужен для техникума. Ведь, изучая его, ты знакомишься с борьбой человечества, с победой рабочих, ты познаешь историю и весь путь, каким рабочий класс завоевал власть. Изучая исторический материализм, ты сможешь усвоить и понять все то, что творится сейчас.

Ты пишешь: „Ведь, и беспартийный может построить социализм“. Это правильно. Но такие беспартийные, как ты, строить социализм не смогут. Живя в роскоши, оторванная от рабочего класса—руководителя социалистического строительства,—ты потеряешь чутье, ты незаметно перейдешь в ряды врагов, т. к. между твоей жизнью и жизнью рабочего класса будет непроходимая пропасть. А с такими строителями социализма не построишь. Надо работать с рабочими, надо учиться, надо работать не за миллионы рублей, как капиталисты, а за дело, за социалистическое общество, за лучшее будущее не только для себя, но и для всех трудящихся. Вот почему все выступают против тебя.

РЕДАКЦИЯ.

НА ЗЛОБУ СЕДЬМОГО ДНЯ

Очерк Л. КАССИЛЯ. Рисунки А. КАНЕВСКОГО

СЕМЬ БРАТЬЕВ

Как у нашей у недели было семь сыновей... Шесть из них были умными, прилежными и трудолюбивыми: Понедельник, Вторник, Среда, Четверг, Пятница, Суббота. Шесть этих дней-братьев отмечались в календаре черной краской и скромно именовались буднями.

Шесть дней, шесть сыновей недели, были умными, а седьмой, как в сказке, был вроде Иванушки-дурачка. Звали его Воскресенье. Это был чванный, ленивый и докучливый денек. В календаре он рядился в праздную красную цифру.

КОГДА ОТДЫХАЮТ БОГИ

В христианских странах воскресный день является днем отдыха. Выбор пал на воскресенье, потому что религиозная легенда повествует, будто бы Христос воскрес именно в этот день. До христианской эры праздничным днем была установлена суббота. В наивной басне о недельном сотворении мира бог шесть дней, начиная со дня, который тогда еще не был воскресеньем, обделывал свои вселенские делишки. А на седьмой, в субботу, упарился и всхрапнул малость. В честь этого божьего храпа люди стали чтить день субботний. Евреи, например, до сих пор празднуют субботу.

Вообще день еженедельного отдыха вечно вызывал ссоры между богами и их пророками. Бог с Христом ставили бутылочку по воскресеньям, Иегова с Моисеем кушали фаршированую щуку по субботам. А по пятницам жирный плов уписывали Аллах и Магомет, пророк его, не желавшие видеть субботы из-под пятницы. Каждый считал свой день святым, освященным, считал в этот день поголовное обязательное безделье и храпел и икал по закону божьему. И, веря в ссору богов, люди тоже по праздничным дням ссорились с пьяной скуки.

Иегова кушает фаршированную щуку по субботам.

Узаконенной пьянкой, непременным мордобоем было отмечено широкое „раздольное" российское воскресенье...

Саваоф благодушествует по воскресеньям.

ВОСКРЕСНЫЕ РАДОСТИ

Воскресное утро надвигается сонно и неторопливо. Медленно, вразвалку идут часы. Тик-так... Тик-так... Часы бьют лбом в дом—бом-бом-бом-дан-нам-день-день.

Люди начинают выдумывать воскресные развлечения.

— Едемте в Зоологический сад.

— Отлично. Едем.—Но так как воскресенье отдыхают все сразу, то в трамвай попасть нет никакой возможности. Трамваи—битком. Плач полузадушенных в давке младенцев, которых матери захватили с собой, оглашает вагоны.

Магомет развлекается по пятницам.

В театрах аншлаги „Билеты все проданы", у кино длиннющие очереди. В клубах давка. Воскресенье слишком тесно для всех желающих отдохнуть и развлечься в этот день, и неумеющие найти хороший отдых люди мешают тем, кто хотел бы и мог разумно использовать этот день.

НА ОБОРОТНОЙ СТОРОНЕ КРАСНОГО ЛИСТКА

На задней стороне листков стенного календаря обычно напечатаны разные мелочные сведения о происхождении имени Феклы или о пользе сахарной свеклы. На оборотной стороне красного воскресного листка надо было бы напечатать черные цифры воскресенья, которые могут сообщить врачи, директора заводов, учителя и милиционеры.

Врачи „Скорой помощи“ сообщат, что в субботу вечером (перед праздником) и воскресенье их вызывают в десять раз чаще, чем в будни.

Милиционеры расскажут вам, что в воскресенье им приходится арестовывать дерущихся, забирать скандалистов, подбирать опившихся в десять-двадцать раз большем количестве, чем в будни.

Директора заводов пожалуются, что после воскресенья пропусков бывает в несколько раз больше, чем в другие дни, производительность ниже, а цифра брака выше. В понедельник еще сказывается воскресенье. Понедельник день „катцен-яммера“, как говорят немцы. То есть день, когда на душе кошки скребут от вчерашней, воскресной попойки.

НА ЗЛОБУ СЕДЬМОГО ДНЯ

Итак, оказывается, что тот неорганизованный и неразумный отдых, который до сих пор обязательно назначался на воскресенье, вместо пользы приносит часто прямой вред. Мало того, что в этот день замирает деловая жизнь, тушатся фабричные печи, стоит производство, замедляя нашу великую стройку, мало того, что совершенно зря пустуют помещения школ, университетов, учреждений... Кроме этого, как мы видим, воскресенье вредит и субботнему вечеру и понедельничному утру...

Советское правительство впервые в мире взялось за борьбу с этим пьяным, бездельным, мертвым, нелепым днем на злобу седьмого дня. Оно разработало величайший проект, уничтожающий воскресенье в том виде, в каком оно существовало до сих пор. В семье недели происходят крупные события. Вмето шести прилежных братьев и одного лентяя неделя будет состоять из семи деловых дней. Все дни будут равны между собой. Не будет любимцев вроде воскресного Иванушки-дурачка.

Такая трудовая семья дней называется непрерывной производственной неделей.

СЕМЬ ПЯТНИЦ НА ОДНОЙ НЕДЕЛЕ

Человеку необходим отдых. Непрерывная производственная неделя никогда и не собиралась отнять у трудящегося человека права на необходимый досуг. ***Наоборот, введение непрерывки даст возможность увеличить число свободных дней*** для каждого трудящегося. Фабрики и заводы будут работать 360 дней в году. Пять дней займут в общей сложности революционные праздники. Не будет только пустых дней, когда замки повиснут на дверях магазинов, на крючок захлопнутся учреждения. Не будут без дела еженедельно стынуть машины. Никогда не замрет жизнь громадной строющейся страны, ни одной минуты не потеряет советское производство, быстрее зашагает Союз Республик к социалистической цели.

Когда же будут отдыхать трудящиеся при непрерывном производстве?

Отдыхать они будут *каждый пятый день.* Четыре дня рабочий, специалист, служащий будет трудиться, а на пятый он будет отдыхать. У каждого будет своя „пятница“ на неделе. Таким образом каждый день будут работать $^4/_5$ всего населения страны и отдыхать одна пятая. Например, так. В мастерской работает 5 человек: Иванов, Петров, Сидоров, Степанов и Егоров. В воскресенье Иванов отдыхает, Петров, Сидоров, Степанов и Егоров работают. В понедельник отдыхает Петров, работают Иванов, Сидоров, Степанов, Егоров. Во вторник гуляет Сидоров, трудятся Иванов, Петров, Степанов, Егоров. В среду празднует Степанов, заняты Иванов, Петров, Сидоров, Егоров. В четверг развлекается Егоров, на работе Иванов, Петров, Сидоров, Степанов. В пятницу опять отдыхает Иванов и т. д. А мастерская работает беспрерывно. Раньше в ней работали ежедневно также 4 человека, но в воскресенье работа прекращалась. Станки стоят зря. Машины и оборудование без дела, помещение отапливалось даром. Теперь в мастерской — штат увеличен на одного человека. На работу взяли безработного Егорова. Это, конечно, с лихвой окупится лишним днем работы мастерской. Введение непрерывки сильно уменьшит безработицу. Промышленности понадобятся новые рабочие для пополнения живой силы. На одних лишь строительных работах понадобится дополнительно около 200000 человек.

Школы, перейдя на непрерывку, смогут принять больше детей, вузы—больше студентов. Театры, давая ежедневные спектакли, обслужат гораздо больше зрителей, чем они могли это сделать до сих пор.

СКОЛЬКО СТОИТ ВРЕМЯ

Германский писатель Вайскопф, побывал у нас в СССР и, вернувшись домой, написал книгу, которую озаглавил так: „Пересадка в двадцать первое столетие“. Этим он хотел сказать, что советская страна на целый век вперед ушла от своего „росийского“ прошлого и во многом от теперешней буржуазной Европы.

Но в области техники мы еще на много лет отстали от буржуазных стран Европы и Америки. Наше задание: догнать и перегнать их. Перешагнуть через буржуазную технику, оставить позади достижения капиталистов. Нам надо наверстать упущенное старой Россией время. Никогда еще так высоко не расценивалось время, каждый день, каждый час, каждая секунда, как у нас теперь, в период величайшей стройки, переиначивающей весь мир заново.

А до сих пор наша семидневная неделя, как решето, упускала драгоценное время. В громадную прореху воскресенья утекало время миллионов людей.

Непрерывка затянет дыры. Конец утечке времени. Производственный год увеличивается, благодаря введению непрерывки, на 74 дня.

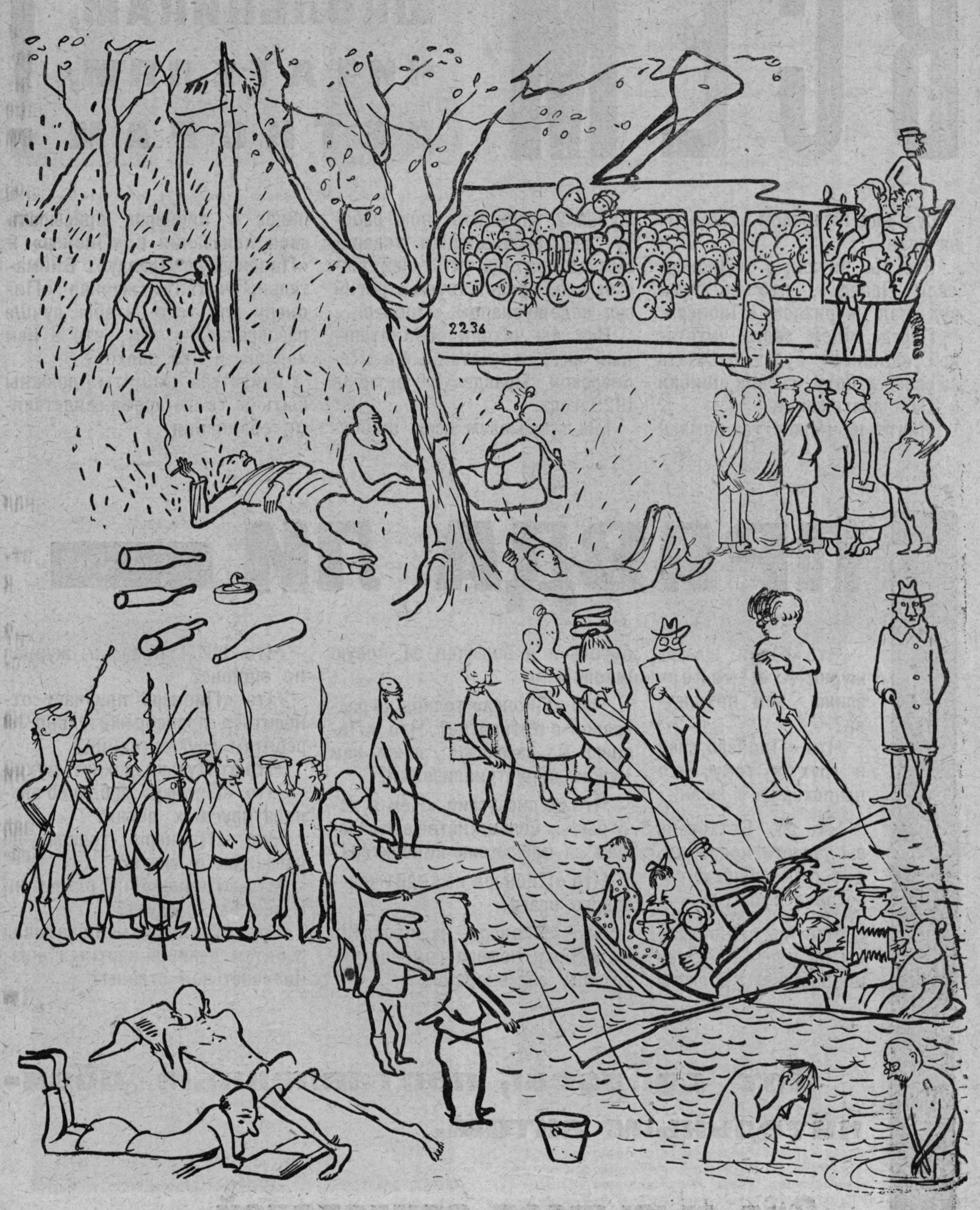
Считайте сами: 52 воскресенья да 8 упраздненных праздников—это 60. Шестьдесят. Добре. Дальше, 56 дней накануне праздников, так называемых, канунных дней... 112 часов. Так как в эти дни работа оканчивалась на два часа раньше, чем в обычные дни. 112.

А 112 часов—это 14 рабочих дней по восемь часов работы каждый. Там 60 да здесь 14. Вот и выходит, что рабочее время года получает 74 новых трудовых дня.

Каждый отвоеванный непрерывкой день даст увеличение продукции нашей промышленности. К концу пятилетки это составит почти три с половиной миллиарда рублей.

Приходит конец мертвому царству седьмого дня, воскресной хмельной скуке и тесноте. Отдыхающая пятая часть трудящихся всегда найдет возможность интересно и весело провести свою новую очередную „пятницу“—свой пятый день. Что же касается цифр в календаре, то, вероятно, все они будут красными.

„БЫВШЕЕ" ВОСКРЕСЕНЬЕ

Воскресенье тесно для всех желающих отдохнуть и развлечься в этот день.

ВСЕМ пионерам, школьникам, читателям, деткорам!

Суд над журналом «Пионер» начался.

Все вы читали в «Пионерской Правде», что об'явлен суд над журналом «Пионер».

Перед лицом своих читателей «Пионер» будет отвечать за свою работу, за свои ошибки и свои достижения.

Ничто не может так помочь журналу улучшить свою работу, как беспощадная товарищеская критика читателей. Поэтому мы приветствуем строгий суд над журналом «Пионер».

Все вы читали обвинительный акт, напечатанный в «Пионерской Правде» 19 октября 1929 года.

Мы призываем всех школьников и пионеров присылать свои показания в «Пионер» и «Пионерскую Правду». Внимательно читайте журнал «Пионер» для того, чтобы лучше разобраться в том, что в нем хорошо и что плохо.

Свидетели защиты должны быть в то же время свидетелями обвинения.

ПРАВДА ЛИ —

Что Юлий Цезарь журналу «Пионер» ближе, чем пятилетка?

Что «Пионер» слеп и глух к тому, что происходит в жизни?

Что о Бетховене вы узнаете подробно, а о перевыборах советов кое-как?

Что из «Пионера» вы не узнаете, как школьники должны бороться и борются за новую школу?

Что «Пионер» толком не расскажет о пятилетке? Что «Пионер» не рассказал, зачем нам нужна индустриализация?

Что по дискуссии «Кем я хочу быть» большинство высказалось за профессию киноактера?

Что «Пионер» не видит классового врага?

Что «Пионер» не посвятил ни одного номера социалистическому соревнованию?

Что КИП попал в журнал по ошибке?

Что «Пионер» приучает относиться пренебрежительно к ребятам других наций?

Что от Кузьки дохнут мухи?

Что «Пионер» забыл об эксплоатируемых детях?

Что «Пионер» толком не рассказал о слете?

Что «Пионер» не пишет ни о чем как следует?

Что «Пионер» не показывал ребятам великой картины жизни советской страны?

Вот вопросы, поставленные обвинительным актом.

Суд вызывает свидетелей.

НОВЫЙ СЕВЕРНЫЙ ПУТЬ

Летчик Чухновский, участвовавший в первом походе ледокола «Красина».

Начальник экспедиции — капитан дальнего плавания и ученый гидролог тов. Евгенов.

Капитан «Красина» т. Сорокин, не в первый раз отправляется в страну «белого безмолвия».

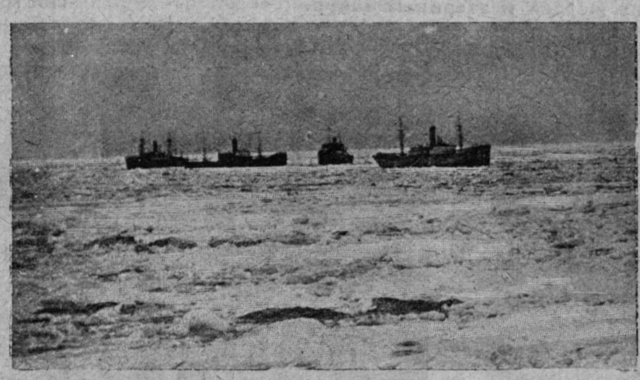
В Сибири много природных богатств. Но железнодорожный путь перегружен и дорог. Поэтому природные богатства Сибири почти не вывозятся заграницу.

Но в этом году ледокол «Красин» прошел через льды Карского моря и провел караван из тридцати иностранных судов.

Караван шел за сибирским лесом.

Дорога на европейские рынки пробита.

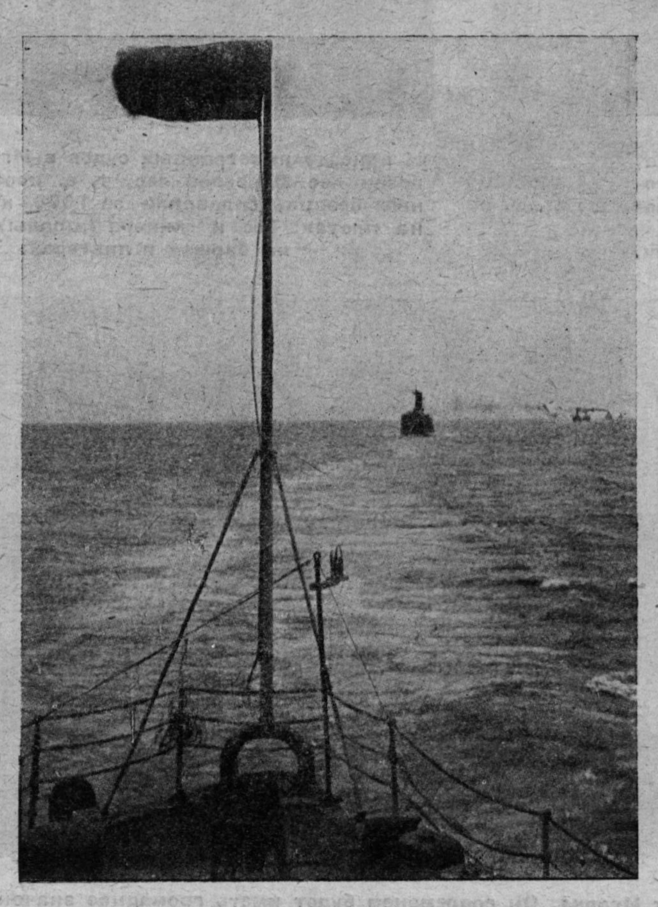
Теперь на реке Енисее, в глухой тайге, строятся порт, лесопильные заводы и город. В городе через пять лет будет жить двадцать тысяч жителей.

У мыса Шпиндлера караван судов попал во льды огромной мощности, где чуть не потерпел аварию.

Ледокол «Красин», ломая лед, вывел караван изо льдов.

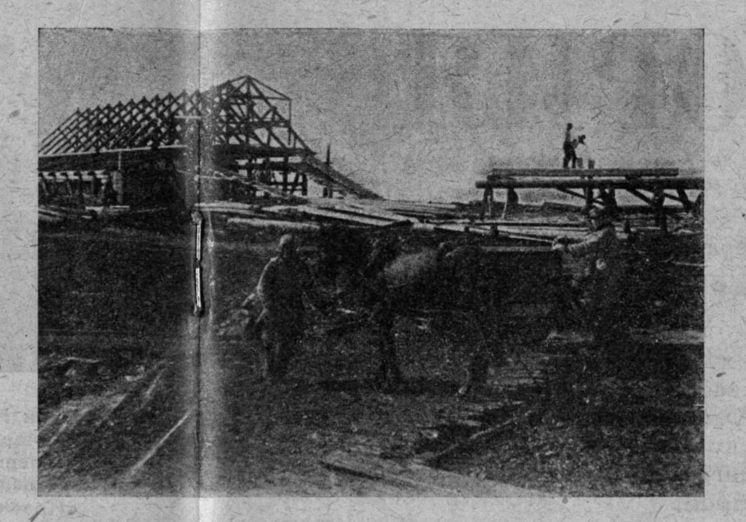
Суда плывут по свободному ото льдов морю.

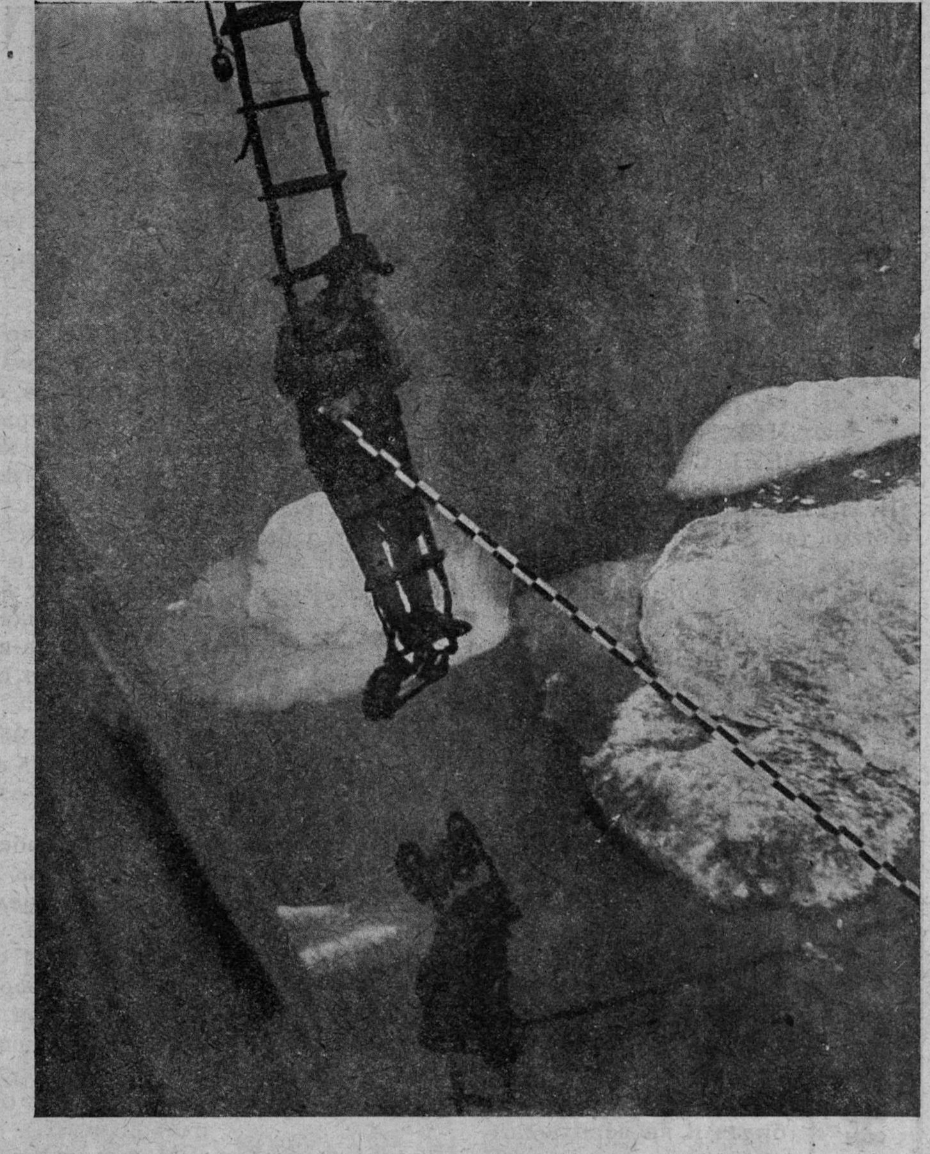
Для изучения направления северных ветров ученые, участвовавшие в экспедиции, пускали шары, наполненные водородом. К шару привязывали письмо, с просьбой за премию в пять рублей сообщить место падения.

Недалеко от места, на котором предполагается постройка порта—расположен тунгусский поселок. Жилищем тунгусов являются чумы, сделанные из жердей и звериных шкур.

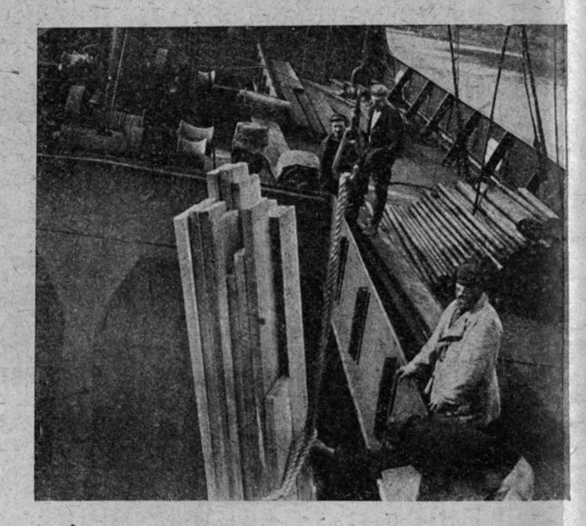
На берегу Енисея, в Игарке строится лесопильный завод. Постройка закончится в этом году. Котлы и прочее оборудование привезены из-за границы.

Во время хода на корабле устанавливают разные приборы для измерений. Плавающие льдины угрожали сорвать и сломать эти приборы. Гидролог отгоняет шестом льдину.

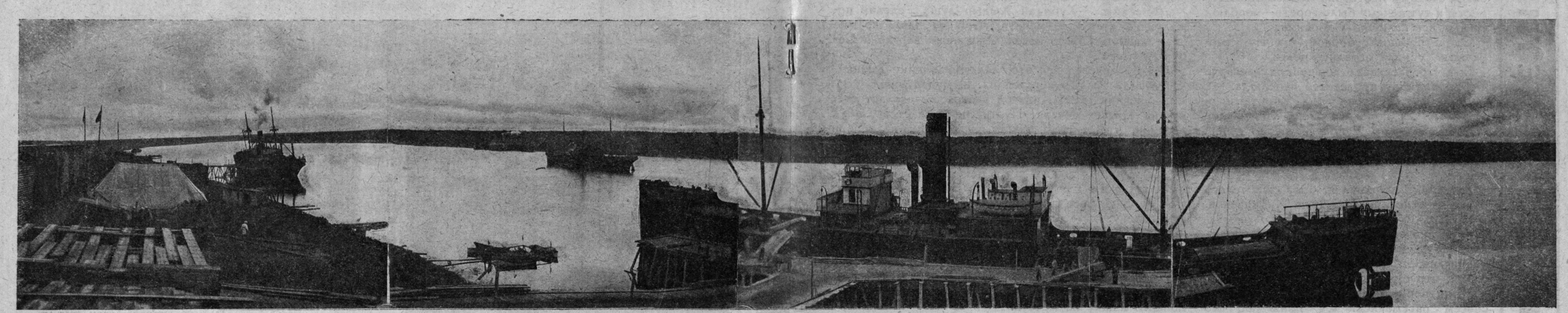
На далеком Севере, где ночь тянется подряд три месяца, строится огромный портовый город. В нем будет развита лесопильная промышленность. Продукция будет вывозиться за границу.
Для строительных работ на эту зиму осталось 300 человек.

К приезду иностранных судов в Игарку привезли лес. Строевой лес, т. е. необработанные бревна, сплавляли за 1000 километров на плотах. Тес и слипера (шпалы) привезли на баржах и лихтерах.

Тунгусенок Петька приехал с визитом на иностранные суда верхом на... собаке.

Под 60° 30′ северной широты, в глухой тайге строится порт Игарка. Он современем будет иметь громадное значение. Это и самый северный и единственный в мире порт, расположенный за 1000 километров от моря. У места будущего порта встретились для взаимных перегрузок морские иностранные суда и суда Енисейской речной флотилии.

ГЛУПАЯ ИСТОРИЯ

Рассказ А. САМОХВАЛОВА
Рисунки Л. БРУНИ

Началось с того, что верблюд Хубидай Хыдыра отвязался и пошел в тень под ворота.

А напротив в чай-ханэ сидел сам Хубидай-горшечник с приятелем заргарчей[1] Себук Алимовым.

Хубидай хитро подмигнул Себук Алимову. И тут рассказал ему

О ТОМ, БУДТО ВЕРБЛЮД ГОРШЕЧНИКА УМЕЕТ СПАСАТЬ ОТ ПОЖАРА

Будто ехал однажды Хубидай на верблюде степью. А было так же жарко, как и сегодня. И ветер был горячий.

И вот будто верблюд остановился и не хочет итти дальше. Взял и упал на колени.

Хубидай будто бы очень бил его, и не помогло. Тогда он плюнул и слез с верблюда, чтобы размяться.

И вот будто верблюд вскочил и стал жрать колючки. Степь поросла колючками.

И жрал он с корнями, очень жадно, словно его не кормили с прошлого года.

И вот будто объел верблюд целое поле и лег посредине.

А горбы у него, точно минареты—сразу стал жирный.

Тогда Хубидай будто подумал: „Вот теперь он наелся и пойдет". И сел на верблюда.

А верблюд будто бы и не думал итти.

И вот будто степь вспыхнула—огонь поднялся до неба и побежал прямо на Хубидая и на верблюда.

А верблюд ни с места.

И тут Хубидай понял, какой умный верблюд. Потому что огонь подбежал к тому месту и тут нечему было гореть—верблюд сожрал все колючки с корнями.

Огонь прошел стороной, так что и верблюд и Хубидай остались целы.

Вот что рассказал горшечник заргарче Себук Алимову про своего верблюда.

А верблюд стоял под воротами и в это время подтянул шею, повернулся к чай-ханэ задом и пошел внутрь двора

Хубидай смутился, что верблюд повел себя так, словно слышал, как заврался хозяин.

А Себук усмехнулся. Ему захотелось рассказать историю не хуже Хубидаевой.

Но сразу не придумаешь, что рассказать и поэтому он смотрел, как болтал хвостом умный верблюд Хубидаев и посмеивался, только бы не догадался Хубидай, что ему нечего рассказать.

И он посмеивался все больше, наконец, совсем рассмеялся. Он придумал, что рассказать.

ПИОНЕРЫ—ДЕТИ ОКТЯБРЯ

[1] Заргарча—серебряных дел мастер.

И вот стал уверять Хубидая в том, что

ИШАК[1] ЗАРГАРЧИ УМНЕЕ ВЕРБЛЮДА ГОРШЕЧНИКА,

потому что не хуже муллы понимает по-писанному. Будто раз забрался он на бугор, который во дворе у Себук Алимова, а с бугра на крышу дома и оттуда на крышу мечети. И пока мулла спал, ишак перечитал все книги, какие там разложил мулла, чтобы их обдуло ветром.

А тут еще случилось вот что:

На крыше мечети поднялась вдруг возня.

И Хубидай и Себук оба встали, чтобы получше видеть. И вот видят. Мулла дерется с ишаком заргарчевым. Ишак орет во все горло:

— И-га-и-га-и-га...

Мулла тоже орет во все горло, но нельзя понять что.

Видно, что он прогоняет осла с крыши.

Тогда Себук сказал Хубидаю-горшечнику:

— Видишь... он не хочет, чтобы ишак читал его книги.

Оба они побежали к мечети.

Мулла очень кипятился, кричал, что эта животина сожрала все целебные травы, которые он сушил на крыше мечети.

Но Хубидай слушал муллу недоверчиво.

А Себук бережно свел ишака на крышу своего дома, потом на бугор и с бугра к стойлу, а сам думал: „Это хорошо, что он наелся лекарственных трав,—теперь уж обязательно поправится".

Это потому он так думал, что ишак у него был—плохой ишак.

Может, теперь он поправится.

А мулла, когда успокоился и когда стало не так жарко, пошел к горшечнику и сказал:

„Ас селям...[2] Хубидай Хыдыр душа... сделай пожалуйста стену на мечети, чтоб не лазал ко мне этот шайтан. Прямо извел меня ишак заргарча Себук Алимова.

А когда сказал все это, дал горшечнику дыню.

Хубидай Хыдыр согласился. И мулла ушел.

Горшечник решил, что он завтра же сделает стену на крыше мечети. Пусть не зазнается Себук Алимов, что у него такой ишак, пусть-ка теперь почитает молитвы.

Он нарубил соломы и насыпал в ту глину, которая была приготовлена для горшков,—пускай пропадают горшки,

А верблюд все время ходил по кругу и мял ногами глину.

И когда верблюд проходил мимо, Хубидай Хыдыр пихал его в живот: чего жалеть скотину, которая ни на что не годна.

На другой день Хубидай Хыдыр сделал стену из глины, которую перемешал с соломой. Теперь не попасть ишаку на мечеть.

[1] Ишак—осел.
[2] Ас-селям—приветствие узбеков.

И вот вышло так, что эта стена оказалась самой высокой во всем городе. Сюда собралось много народу, чтобы посмотреть. Все удивлялись и говорили, что город стал теперь, как Самарканд.

Но всего удивительнее, что Себук Алимов радовался и удивлялся стене не хуже других.

Правда, он еще горевал, но горевал он совсем о другом. Дело в том, что у него заболел животом ишак. И болезнь случилась, вероятно, от тех лекарственных трав, которые сушил на крыше мулла и которые ишак съел.

А радовался он оттого, что больше этого не случится, так как ишаку не перелезть через стену.

А удивлялся он потому, что все удивлялись самой высокой стене в городе.

Прошло некоторое время, и ишак перестал хворать животом, потому что больше не ел целебных трав.

А Себук Алимов перестал горевать.

Но Хубидай Хыдыр затаил злобу к Себук Алимову. Потому что он сделал стену на зло заргарче. А заргарча на эту стену радуется и удивляется.

Так было, пока не случилась

ИСТОРИЯ С БЕКМЕСОМ

Однажды Себук Алимов купил два бурдюка бекмеса[1]. Он хотел, чтобы женщины делали халву, потому что у него очень большая семья. Пусть все зарабатывают.

[1] Бекмес—мед.

Бурдюки он оставил на дворе и прикрыл сверху от пыли.

Ночью этого дня он вышел на двор посмотреть, все ли благополучно.

И вот, когда он проходил мимо бурдюков с бекмесом, то вдруг оказался босым. А был, как всегда, в туфлях.

И вот, вдруг он почувствовал, что земля стала липкой и ноги не отодрать.

Себук Алимов очень изумился этому.

А ночь была темная, так что ничего нельзя было видеть.

Тогда он побежал за лампой и вернулся опять сюда. Оказалось, что туфли его прилипли к земле, потому что бурдюки с бекмесом текли и около них была уже большая лужа.

Себук Алимов не знал, что делать.

Он сел на корточки и горевал, потому что был человек бедный.

Тут он услышал, что сосед его горшечник Хубидай Хыдыр вышел на свой двор по своим делам и кашляет.

Тогда Себук Алимов подумал, что есть только один человек, который может его спасти от беды.

Потому что у Худибай Хыдыр сколько угодно горшков и кувшинов.

Но горшечник теперь не очень-то дружится с заргарчей. И все-таки лучше попросить. Убыток не будет больше, если горшечник не даст кувшинов.

Так он подумал и полез на стену, чтобы попросить кувшинов у горшечника, а лампу держал в руке.

Себук стал бросать кувшины прямо в глину.

Горшечник увидел его и подумал: „Он хочет устроить пожар, чтобы узнать, может ли мой верблюд спасти от пожара“.

Но Себук Алимов сказал:

— Ой, Хубидай Хыдыр. Я был тебе хороший друг...—и он рассказал горшечнику, в чем дело.

Горшечник ответил:

— Потуши огонь, а то ты сделаешь пожар.

Себук потушил лампу и сам подумал: „Он наврал про верблюда, потому что боится пожара“.

Горшечник сказал:

— Ладно, я тебе помогу.

И стал подавать через стену кувшины.

Себук принимал их и ставил на землю, а сам потихоньку щелкал по ним ногтем, чтобы узнать, не дает ли ему горшечник дырявых кувшинов.

Но кувшины звенели хорошо, и Себук Алимов успокоился.

Когда он передал пять кувшинов, Себук сказал:

— Хватит.

Но горшечник ответил:

— Нет. Эти кувшины очень толстые и крепкие. Они большие с виду, но не очень вместительны.

А заргарча ничего не понимал в кувшинах и принял еще пять.

Тогда горшечник сказал:

— Теперь хватит.

Себук подумал: „Он спросит с меня втридорога“.

Но горшечник спросил обыкновенную цену.

Когда Себук принес ему деньги, Хубидай Хыдыр уже перелез на двор и сказал ему:

— Я тебе помогу разлить бекмес по кувшинам.

Они оба разливали бекмес в темноте поровну в каждый кувшин. Когда розлили, пошли спать каждый в свой дом.

И все было бы хорошо, но оказалось, что

КУВШИНЫ ПЬЮТ.

Несколько дней Себук Алимову было некогда, и женщинам тоже. Они шили тюбитейки.

А бекмес стоял и стоял под покрышкой.

И вот однажды Себук Алимов проходил мимо кувшинов и увидел, что бока у кувшинов очень почернели, а раньше были светлые, розовые.

Он захотел посмотреть, отчего это.

И вот видит, что все кувшины почти пустые.

Только на дне каждого бултыхается немного бекмеса.

Себук Алимов схватился за голову, побежал на улицу и кричал, что воры его обокрали. Он был очень беден и горевал очень сильно.

А семья Себука Алимова на втором дворе голосила от горя.

На двор набралось много народу. Все жалели Себук Алимова, качали головами и говорили:

— Це-це-це-це—кто бы мог украсть бекмес?

И вот один человек посмотрел кувшины, как следует, и сказал Себук Алимову:

— Сам у себя ворует! Никто не украл! Кувшины украли! Эти кувшины пьют!

Все стали смотреть кувшины и увидели, что верно кувшины всосали весь бекмес,—оттого они такие черные.

Такие кувшины делают для воды, чтобы вода впитывалась. В таких кувшинах вода прохладнее.

Это Хубидай Хыдыр подсунул Себук Алимову ночью кувшины, которые не годятся для бекмеса.

Все ушли со двора, потому что вор нашелся. Себук Алимов сам виноват,—сам себе купил вора у горшечника и заплатил деньги. Но

ИСТОРИЯ С КУВШИНАМИ

этим не кончилась.

Себук увидел, что горевать нет пользы и полез на стену сказать Хубидай Хыдыру, зачем тот сделал его совсем бедным.

Но Хубидай Хыдыра на дворе не было. Только верблюд ходил по кругу и мял глину. Глины было много, видимо, горшечнику заказано много горшков и кувшинов.

Себук Алимов кричал горшечнику обидные слова, но горшечник не выходил, или его не было дома.

Тогда Себук Алимов подтащил кувшины к стене и стал бросать их во двор к Хубидай Хыдыру. Он бросал кувшины прямо в глину в разные места по всему кругу.

А умный верблюд Хубидай Хыдыра ходил по кругу и давил кувшины ногами как ни в чем не бывало.

Большие пузатые кувшины хрупали и сразу делались черепками. И верблюд втаптывал черепки в глину. Так что вся глина оказалась испорченной и из нее уже нельзя было ничего сделать.

Хубидай очень горевал, когда увидел все это, а домашние его громко плакали в доме. Потому что горшечник очень много потратил труда на глину.

Собрался народ. Хубидая спросили:

— За что это тебе сделал Себук.

А он ответил:

— Почему я знаю? Подите спросите у него.

Тогда они все пошли к Себуку и спросили.

Себук им сказал:

— За то я сделал это Хубидаю, что он сделал мне хуже. Он ночью подсунул мне кувшины, которые пьют. И велел потушить лампу, чтобы я не видел, какие покупаю кувшины.

Тогда все пошли назад во двор к Хубидаю и спросили его:

— Зачем ты ночью подсунул ему кувшины, которые пьют?

Хубидай не знал, что ответить. Но он бранился и требовал, чтобы Себук уплатил ему за глину.

Сосчитали, сколько стоит глина и сколько стоит бекмес и кувшины. Получилось, что поровну и Хубидаю ничего не приходится.

Тогда он сказал.

— Я за то имел зло на Себука, что он—обманщик. Он сказал, будто его ишак такой ученый, что может читать книги, как мулла.

Опять все пошли на двор к Себуку и спросили, так ли это.

А Себук обозлился, что не дают ему покою и сказал:

— Так!

Тогда они попросили, чтобы Себук показал им этого ученого ишака. А ишак бродил по двору.

Себук сказал:

— Что вы ослепли? Вот ишак!

Все стали хохотать, потому что ишак был худой, грязный и хлопал ушами, как самый глупый ишак.

Хохотали так громко, что на двор прибежали еще многие узнать, что случилось.

И спрашивали про ишака:

— Который?

— Этот?

И хохотали еще громче, так что прибежали люди из самых дальних кварталов. Уже стало тесно. И многие стояли на крышах. А мальчишки залезли даже на ту стену, которую сделал Хубидай Хыдыр на крыше мечети.

Так было, пока не стало темно и людям пришлось расходиться. И когда расходились, то все говорили, что завтра они устроят

ИСПЫТАНИЕ ИШАКА—

пусть покажет, как он умеет читать книги.

А Себук Алимов не знал, как ему быть, потому что завтра поднимут его насмех.

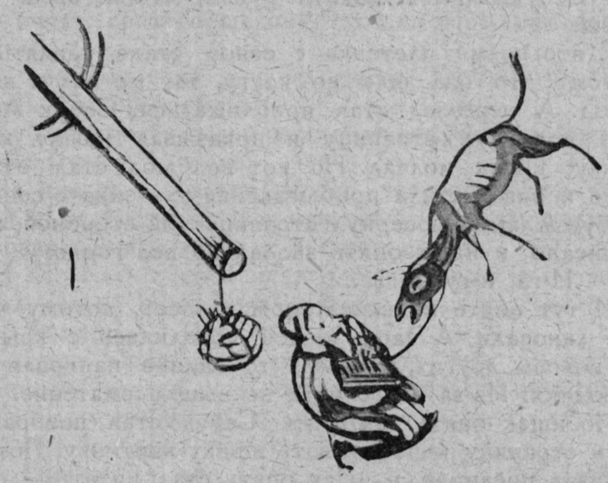
И он очень горевал и очень бранил себя. Потому, что он сам виноват во всем. Зачем купил такие кувшины, которые пьют? Зачем наговорил про своего ишака, чего нет на самом деле? Вот теперь нет бекмеса. А он истратил на бекмес последние деньги.

И Себук Алимов чуть не плакал и хотел скорее провалиться сквозь землю, чем дожить до завтрашнего утра.

Он стал думать, что лучше продать ишака. И решил рано утром встать потихоньку и уехать в дальний кишлак. Там кто-нибудь купит. И вот на рассвете он пошел дать корм ишаку на дорогу.

А осел, когда увидел, что хозяин несет ему корм, принялся орать:

— И-га-и-га.

Когда корзинка с сеном приближалась, ишак громко кричал.

Себук обозлился на ишака, что он всполошит всю улицу и ему не уехать.

— Замолчи, глупая голова.—А сам спрятал корм за спину. Он хотел показать ишаку, что не даст ему корму, если ишак не перестанет орать.

Ишак перестал. Тогда Себук вынул из-за спины корм, но ишак опять заорал во все горло:

— И-га, и-га, и-га...

Себук так обозлился, что бросил в него палкой и стал уходить. Ишак замолчал. Тогда Себук повернулся и опять пошел к ишаку, а корм держал перед собою.

Ишак опять заорал.

Себук опять спрятал корм за спину.

ДЕТИ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ РОЖДЕНЫ ДЛЯ БОРЬБЫ ЗА МИРОВОЙ ОКТЯБРЬ!

А ишак опять замолчал.

Себук снова вынул из-за спины корм.

Ишак снова заорал.

Себук спрятал корм.

Ишак замолчал.

Тогда Себук ударил себя рукой по лбу и засмеялся.

И он пошел спать вместо того, чтобы ехать. А корма ослу не дал.

Осел смотрел, как уходит хозяин и молчал.

Ему очень хотелось есть.

Хубидай Хыдыр тоже мало спал в эту ночь. Он выбирал черепки из глины. Выбрал все крупные черепки и все черепки средней величины и стал выбирать мелкие. И когда выбрал мелкие, то оказалось, что чистой глины очень мало. И та не очень чистая. Он пустил верблюда на глину,—пускай разотрет в песок самые мелкие черепки. Верблюд ходил, но толку выходило мало. Остаток глины все еще не годился для горшков.

И Хубидай Хыдыр сидел на корточках перед глиной и горевал.

И вот стали собираться люди, чтобы устроить испытание ишака. Еще до полдня дворы Хубидай Хыдыра и Себук Алимова были набиты народом. А в полдень приехали люди из соседних кишлаков, а после полдня люди из дальних кишлаков. А потом люди из самых дальних.

И получился такой базар, какого никогда еще не бывало в этом городе раньше.

Под конец собралось так много народу, что решили поскорее начать испытание, потому что народ все прибывал и в городе стало тесно.

Себук Алимов сказал, что он будет испытывать ишака на дворе у Хубидай Хыдыра.

Хубидай Хыдыр сказал:

— Пусть. Только бы не мешали верблюду работать.

Себук Алимов ответил:

— Пусть работает.

И вот он привел ишака на двор к Хубидай Хыдыру.

А у горшечника на дворе такое устройство: поставлено бревно стояком и к бревну пристроена жердь. К этой жерди с одного конца привязан верблюд, а с другого ничего не привязано. Хубидай Хыдыр давно собирался купить другого верблюда, чтобы работа шла скорее, но никак не мог набрать столько денег. И вот старый верблюд в одиночку ходил по кругу привязанный к одному концу жерди, а другой конец вращался так просто, без ничего.

Это было в одной половине двора, а другая была свободная.

И вот пришел Себук Алимов со своим ишаком. Под халатом у него была плетенка, набитая сеном. А подмышкой книга. Очень старая и трепаная книга—какие-то сказки с картинками.

В это время верблюд остановился, потому что на двор навалило сразу очень много народу и все стали давить друг друга.

А Себук Алимов как бы невзначай повесил плетенку с сеном на свободный конец жерди.

Но Хубидай Хыдыр сказал:

— Пусть не мешают верблюду работать.

Тогда народ расступился. И те, кому было тесно, полезли на крыши. А там уже было много народу, который влез прямо с улицы. На крыше мечети тоже был народ, и на той стене, которую сделал на мечети Хубидай Хыдыр тоже был народ. А многие остались на улице и ругались с теми, которые влезли на крыши раньше их. Себук Алимов очистил место для себя и для своего ишака. А верблюд Хубидай Хыдыра опять стал ходить по кругу.

И плетенка с сеном, которую повесил на другой конец жерди Себук, тоже стала ходить по кругу.

Тогда Себук повернул ишака мордой к этому приспособлению, чтобы ишак мог все видеть.

И вот началось испытание.

Себук Алимов раскрыл книгу перед ишаком.

А ишак в это время увидел, как приближается плетенка с сеном на жерди по кругу. Он думал, что это для него сено. Он очень обрадовался и заорал:

— И-га, и-гу, и-гы.

Сначала все замолчали, так как очень удивились, что ишак верно читает по книге. Потом все закричали. И закричали так, что ишака не стало слышно, хотя очень трудно перекричать ишака. Но Себук Алимов махнул рукой, чтобы была тишина.

В это время плетенка с сеном стала удаляться, потому что она шла по кругу, так же как и верблюд. А верблюд стал приближаться. Себук Алимов повернул страницу и показывал ишаку картинку. Ишак молчал. Но вот верблюд стал отходить и опять стала приближаться плетенка с сеном. Себук Алимов повернул страницу той стороной, где написано, и ишак опять заорал во все горло:

— И-га, и-гу, и-гы...

И тут опять поднялся гром голосов, потому что все ликовали. А часть людей повалилась с крыши на головы других, потому что задние напирали на передних. Из-за этого чуть не вышло смятение.

Но ишак опять замолчал. Себук стал поворачивать страницу и показывать ишаку картинку. Потом показал писанное, и ишак опять стал читать:

— И-га, и-гу, и-га...

В это время рухнула стена на мечети и все, кто там был, полетели вниз. На крышах началась давка, и одна крыша провалилась вместе с людьми.

Началось такое смятение, что испытание ишака прекратилось. И когда Себук с ним пробирался на свой двор, чуть не убили и его вместе с ишаком.

Их забросали яблоками, виноградом и лепешками. Так что семья Себука набрала несколько корзин фруктов и две корзины лепешек.

И Себук теперь не очень жалел про бекмес.

Все веселились, потому что зачем горевать, когда ишак показывает такие штуки.

Хубидай Хыдыр сидел на корточках перед своей глиной совсем черный.

Он щупал руками глину, и она все еще не годилась для горшков.

Но он горевал не от того. Он горевал из-за верблюда, что он никуда не годится кроме, как ходить по кругу и мять глину. Не то, что ишак Себуков.

Но вслух он не говорил ничего доброго про Себука и его ишака.

Все замечали это и спросили Себук Алимова, за что Хубидай имеет на него злобу?

Себук ответил:

— Может, за то, что он наговорил про своего верблюда того, чего нет на самом деле.

И Себук рассказал все. Будто верблюд, по словам Хубидая, умеет спасать от степного пожара тем, что выедает колючки по кругу и что будто верблюд начинает спасать от пожара раньше, чем пожар начнется.

Этому никто не поверил.

И все решили, что завтра надо устроить

ИСПЫТАНИЕ ВЕРБЛЮДА—

пусть покажет, как он умеет спасать от пожара.

И народ не разъезжался по кишлакам. Даже те, которые были уже в дороге, вернулись.

Весь народ, когда укладывался спать, охал и ахал, потому что устал от смеха, а завтра еще надо было смеяться.

Только один Хубидай Хыдыр хотел скорее провалиться сквозь землю, чем дожить до завтра.

Он придумывал, что сделать с верблюдом, чтобы не пришлось его испытывать. И ничего не мог выдумать.

Он стоял на корточках и так заснул посреди двора.

Утром народ пришел будить Хубидая, и вот все видят: спит горшечник, стоя на корточках перед глиной.

А верблюд спит в углу двора. Худой, грязный. Очень плохой верблюд.

Хубидая разбудили и заставили его вести верблюда на испытание в степь.

За ним шло столько народу, что город весь опустел. И те, кто попадался навстречу, не ехали дальше, а возвращались и ехали в степь вместе.

И все бились об заклад: будет или не будет верблюд делать голое место, чтобы спастись от степного пожара.

Хитрые люди придумали делать так: с одними бились об заклад, что верблюд не спасет от пожара и не будет вырывать сухие колючки по кругу, а с другими наоборот, что будет. Они знали, что останутся без убытка и так, и так.

Умные спорили, что не будет.

А глупые, что будет.

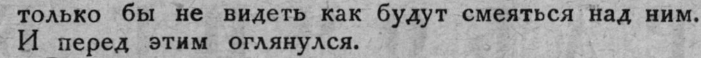
Закладов получилось на очень много денег.

И вот началось испытание.

Хубидай Хыдыр отпустил верблюда и отошел. И все отошли в стороны. А Хубидай втиснулся в толпу и решил убежать,

Все пошли смотреть, как будут испытывать верблюда.

только бы не видеть как будут смеяться над ним. И перед этим оглянулся.

Верблюд стоял очень глупо и смотрел в стороны. Очень плохой верблюд,—что спросишь с такого?

И Хубидай Хыдыр стал пробираться через толпу, притворившись, что он не—Хубидай Хыдыр.

Пока он пробирался в начале толпы, все молчали и смотрели. Было совсем тихо. А когда выходил из толпы, то многие умные уже требовали заклады от проигравших. А хитрые смеялись.

Хубидай Хыдыр уже готов был бежать скорее, только бы не видеть и не слышать того, что сейчас будет.

И вот вдруг все стихло. Так что стало слышно, как сами по себе трещат от жары колючки: степь поросла колючками.

А потом вдруг словно рухнуло небо—такой гром грянул.

Хубидай Хыдыр присел даже к земле.

И вот он оглянулся и видит—все кричат и прыгают друг другу на спины.

Хубидай бросился в толпу, чтобы взглянуть, что же случилось. Но люди так налегли друг на друга, что Хубидай не мог просунуть даже руку между ними.

Тогда он прыгнул на плечи того, кто стоял впереди его и вот видит:

Ходит по кругу верблюд вырывает колючки и поедает с жадностью. Вот он сделал один круг и другой и третий и на ходу вырывает колючки с корнями, словно он не ел с прошлого года.

А земля дрожит от криков.

Вот

КОНЕЦ ЭТОЙ ИСТОРИИ

Вся история глупая, таков и конец.

Глупые оказались в выигрыше по своей глупости.

А умные проиграли.

Многие должны были заплатить Хубидаю, потому что еще по дороге сюда кричали:

— Даю Хубидаю столько-то, даю столько-то!

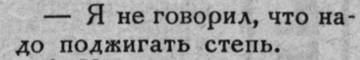
Но и глупые и умные удивлялись.

Однако, один сказал, что это не испытание, что надо поджечь степь и тогда видно будет.

Но ему ответили:

— Верблюд себя спасет, а о тебе не будет заботиться. Ветер погонит огонь туда, где у тебя посеян хлопок, а хлопок возле твоего дома.

Тогда он сказал:

— Я не говорил, что надо поджигать степь.

А Хубидай пробрался к верблюду и поймал его за веревку.

Он больше всех удивлялся, как может сделать такое верблюд, который ни на что не годен—только ходить по кругу и мять глину.

И он хотел повести его домой, но вспомнил, что вот уже третий день его не кормил и отпустил снова. И верблюд опять стал ходить по кругу и есть колючки.

РАБОЧИЕ БИОГРАФИИ

До сих пор в журнале печатались очерки о заводах. Теперь мы хотим рассказать читателям о живых людях, которые на этих заводах работают. Трудно далась им квалификация. Через нищету, голод, побои пришли они к заводу.

Ниже мы помещаем биографии изобретателя и старого рабочего. Для этого редакция послала на МОГЭС своего сотрудника и фотографа. Сотрудник разыскал изобретателя и рабочего и с их слов записал то, о чем вы сейчас прочтете. Фотограф снял рабочего, а изобретатель сниматься отказался. Все-таки, как видите, изобретатель тоже снят. Это удалось сделать фотографу во время обеденного перерыва, когда изобретатель, ничего не подозревая, читал газету.

На берегу Москвы-реки, напротив Дворца труда стоит чистенькое, с большими окнами здание. Можно подумать, что это тоже какой-нибудь дворец или, по крайней мере, роскошная гостиница. Но это не праздное здание—к нему тянется паутина перекинутых через Москву-реку проводов. Лезут они за стены, через крыши, окна. Огромные изоляторы висят у каждого провода—сторожат высоковольтовый ток. Внутри здания—огромные махсвики, динамомашины. Они бешено крутятся, подымая ветер по всему залу. Все здание дрожит, словно карточный домик перед тем, как упасть. Люди мошками носятся вокруг, следят за каждым винтиком, за каждой частичкой невиданных гигантов.

Этот дом питает московские заводы, освещает дома и улицы, заставляет двигаться трамваи. Это самая большая, центральная электростанция Москвы. Имя ее—МОГЭС.

Несколько тысяч человек работают на этом заводе. Но этого мало: сейчас строятся новые многоэтажные здания. Здесь как раз работает гордость всего завода—тов. Чумилин. Это могэсовский изобретатель. Он давно работает на МОГЭС'е, и его знают все очень хорошо. Он про себя говорить не любить, но для ребят рассказать согласился. Вот, что мы узнали от тов. Чумилина.

Родился он в бедной, рабочей семье. Еще маленьким мальчиком был т. Чумилин, когда отец его умер. Остались они с матерью. Кое-как, зарабатывая на кусок хлеба то стиркой, то еще какой-нибудь работой, мать растила сына. Последние гроши уходили на школу. Очень уж хотелось, чтоб сын ее был мало-мальски образованным.

Тов. Чумилин.

Сын старался. Пятилетнюю школу он окончил в 4 года. На этом и закончилось его образование. Дальше учиться не было никакой возможности. И с одиннадцати лет, чтобы прокормить мать и себя, тов. Чумилин пошел на заработки.

Работал где придется.

Работал «мальчиком», получая от хозяина колотушки за услуги. Потом пристроился к одному мастеровому и стал слесарем. Но чего это стоило! Не раз плакал украдкой, но все-таки квалификацию получил.

Так и работал.

Но настал 1917 год.

В этот год была революция, а потом генерал Корнилов близко пошел к революционному Петрограду.

И тогда т. Чумилин записался в Красную гвардию.

Много пришлось перенести т. Чумилину. Бился он с Колчаком, Юденичем, Корниловым, Деникиным... Был под Пулковым, на Южном и Юго-Восточном фронтах. Целых 5 лет бился тов. Чумилин за Советы!

В 1922 г. после окончания всех фронтов поступил работать в МОГЭС. Работал сперва слесарем в гараже, потом его перевели в другой отдел... электромонтером. Пришлось начинать снова, опять учиться работать. И он не только научился работать, но и показал себя героем. Он дал нашему Союзу много ценных изобретений. Тов. Чумилин не сидел в кабинете. Нет. Он на производстве, в процессе своей работы совершенствует все, что только можно.

Так, например, установка на станции траншальтеров (особый вид изоляторов) требовала 4 дня, а тов. Чумилин добился того, что теперь эту же установку

ГОТОВИМ В ОТРЯДЕ СТОЙКИХ БОРЦОВ—

делают в... 2 часа! Правда, это удалось не сразу. Он делал, переделывал, но, наконец, добился своего.

Эта «мелочь» (так называет т. Чумилин свое изобретение) даст в эту зиму МОГЭС'у 3000 рублей экономии.

У тов. Чумилина есть интересные изобретения.

Живете вы в квартире, у вас — электричество. Горит оно, сколько ему вздумается, а в конце месяца смотрите счет и, к ужасу своему, замечаете, что сумма уплаты за электричество, отнюдь, не соответствует вашему бюджету.

Если же в квартире живут 3—4 семьи, то начинаются споры.

Так, тов. Чумилин предлагает приделать к счетчикам автомат: опустил монету — электричество горит и как только сгорело на опущенную в автомат сумму, то гаснет. Такие автоматы очень удобны в общежитиях, учреждениях, клубах.

Теперь к тов. Чумилину полное доверие. Ему дают самую крупную, самую ответственную работу. И кроме того, тов. Чумилину дали ученика, из которого он хочет сделать такого же, как и он, полезного Союзу, квалифицированного рабочего.

* * *

Есть такое отделение на МОГЭС'е, войдешь туда, кажется, что все в нем спокойно. Ничего особенного. Огромных маховиков нет, все стоит на месте.

ЗАКОНЧИМ ДЕЛО НАШИХ ОТЦОВ

Только после замечаешь, что ты плохо слышишь, что воздух как-то странно дрожит, что стекла того и гляди вылетят на улицу.

Это отделение называется котельным. Здесь находятся котлы, которые вертят маховики, заставляют вертеться вал динамо с баснословной быстротой. Пар с такой силой движется по трубам, что дрожат котлы, дрожит воздух.

Так вот в этом отделении есть рабочий Терентий Федорович Пшенкин. Он рассказал про себя вот что:

— Родился в 1882 г. Значит, теперь мне уже почти полвека годков-то будет. Старичком звать стали.

Родители мои были очень бедные люди, да еще вдобавок отец-то помер, когда мне было всего два года. И осталось на руках у матери, кроме меня, еще семеро ребятишек. Всех надо накормить, одеть. А разве ей одной управиться? С семи лет пошел телят пасть. Два года пас, а после этого повышение получил — разрешили пасть крупную скотину. Проволынился с ней до 13 лет. Вот тебе и детство!

Потом мне счастье подвалило — взял меня к себе в учение наш кузнец. Да только и здесь мне н сладко было. Одни только слезы. Но заставляли работать. Так 2 года и отмучился. Потом удрал я от хозяина. Прямо в Москву махнул: думал сейчас же работу найду, да просчитался. Пришлось целых полгода беспризорничать. Один какой-то сердобольный хозяйчик забрал меня и стал обучать своему водопроводному делу. Да только оказывается не из жалости он меня взял, а из-за скупости своей. Ругал меня вечно, бил. И от него ушел.

Терентий Федорович Пшенкин.

Поступил на каретно-автомобильную фабрику Ильина и работал там до призыва. Потом пошел «защищать отечество» от японцев. Прошел всю Манчжурию. Во Владивостоке матросы бунт устроили, так нас на Русский остров всех сослали. Потом расформировали и по всей России раскидали бунтовщиков. Я попал в Либаву. С 1908 по 1915 г. кое-как работал шофером. Сперва разную шикарную публику по ночам развозил, потом противно стало — поступил работать на почтамт. Потом эта война. С 1915 до 1918 г. на фронте был. С турками за что-то бился.

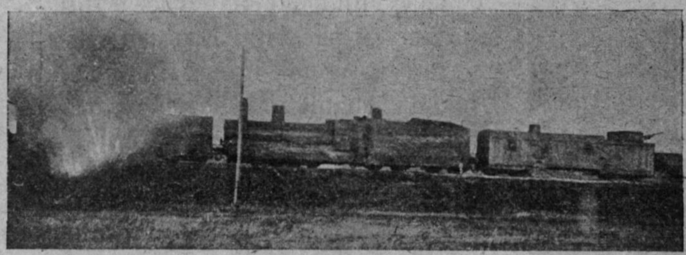
Однажды слышим — Николая свергли. Обрадовались, как малые ребята. Почуяли, что конец скоро всему этому будет. И правда, вскоре расселись мы по автомобилям, да и домой. Сколько пешком пришлось итти. Трудно вспомнить. От утомления, как только пришел к себе домой — слег и болел 5 месяцев.

А выздоровел — ушел в Тамбов, против белой банды Антонова бился. Только в начале 1922 г. демобилизовался.

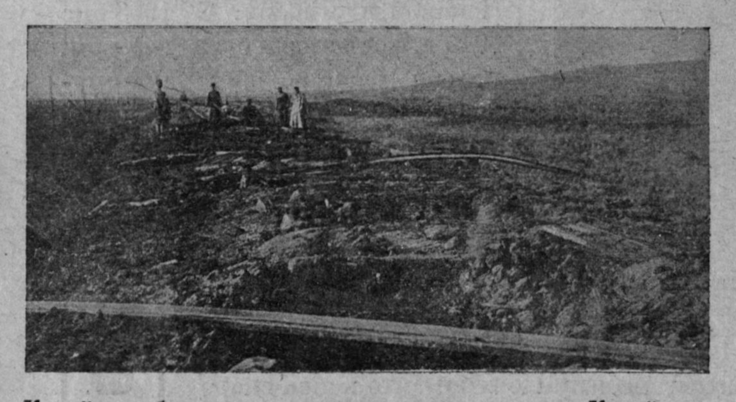
Сперва без работы был, а потом вот поступил в МОГЭС.

Видите, вот уж больше шести лет работаю и не убегаю. Знать, понравилось. Лучше чем у кузнеца работается.

Китайские белогвардейцы обстреливают советский бронепоезд.

Китайские бандиты разрушили участок пути на Китайско-Восточной железной дороге.

Похороны жертв налетчиков-белогвардейцев.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Остается только развести руками! Что делается на далекой восточной границе этой огромной страны? Какие необычайные и тревожные вести приносят газеты каждое утро! И какая гигантская напряженная работа отражается каждое утро в газете рядом с черными заголовками военных сообщений!

Так рассуждал бы каждый человек, который с неба свалился бы в Советский Союз.

Наши войска ежедневно подвергаются нападениям. Озверевшие русские офицеры в китайской форме бандами переходят нашу границу, регулярные китайские войска обстреливают наши передовые посты, китайские военные аэропланы летают над нашей территорией. Китайскими пулями ранены красноармейцы, убит командир пулеметного взвода.

Что это—война?

Но сильная Дальневосточная красная армия не заняла ни одного города, красные части не разрушили ни одной китайской деревни, советские орудия не разрушали железных дорог и красноармейцы не покинули своих границ, чтобы вступить в соседнюю страну.

Военная история нашей планеты—Земли—не знает еще такого случая, чтобы сильнейшая армия не захватила бы чужую сторону, если та на нее напала.

Советский Союз не хочет войны.

Китайские генералы захватили Китайско-восточную железную дорогу. Эта дорога была построена царским правительством на деньги, которые оно выжало из русских рабочих и крестьян. Этой дорогой царская Россия хотела захватить постепенно Манчжурию—часть Китая. Для охраны дороги в Китае были русские солдаты, которые в случае чего могли бы захватить Манчжурию.

Советский Союз отказался вводить в Китай свои войска и предложил Китаю управлять дорогой вместе. В 1924 г. заключили договор.

Теперь китайское правительство, с одобрения империалистов, которые хотят вовлечь СССР в войну, грубо захватило дорогу, сместило советского управляющего дорогой (управляющих было два—советский и китайский).

Советское правительство не стало воевать из-за этого, а решило прервать все сношения с Китаем.

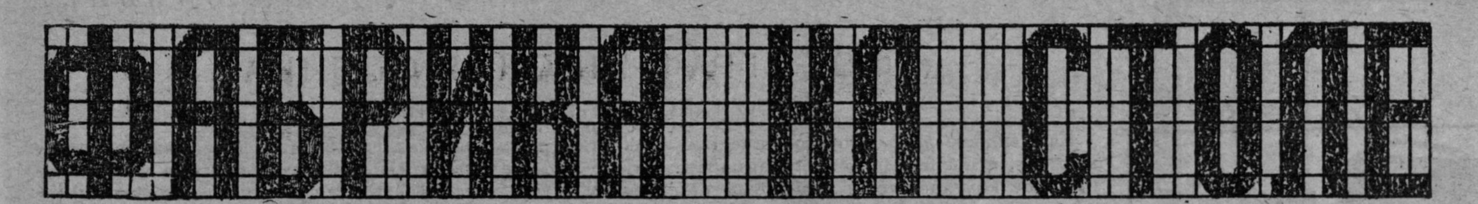
Тогда китайские генералы совсем обнаглели, стали арестовывать советских граждан, расстреливать их без суда.

Стали стягивать к границе войска, снова ожили белогвардейцы, которые служат в китайской армии, стали нападать на Красную армию.

Но Красная армия выдержана и спокойна, она отражает и отгоняет разбойников от наших границ.

А в Китае с каждым днем хуже и хуже. К.-В. ж. д. разрушается, потому что белогвардейцы за все это время не работали ни с какими машинами кроме, пожалуй, штопоров в китайских кабаках да пулеметов на советской границе. К.-В.ж.д. не приносит ничего, кроме убытков. Генералы-разбойники дерутся между собой, китайское правительство идет на попятный. Но оно не хочет признать свою неправоту: жульничая, изобретая фальшивые документы, оно пытается доказать, что СССР виноват во всем.

А пока Красная армия спокойно и уверенно охраняет наши границы.

По пятилетнему плану наша организация должна подготовить тысячи монтеров, радистов, переплетчиков, поваров и техников всякого рода.

Но вот предположим, что со всех сторон Союз Советских Социалистических Республик окружен врагами. Враги решили погубить это единственное отечество рабочих. Угрожают войной.

Партия, комсомол быстро мобилизуют свои силы. С фронта у нас крепкая и надежная защита—Красная армия. А пионеры?

Что будут делать пионеры? Знает ли каждый свое место во время всеобщей мобилизации? Нет. Каждый пионер еще не знает, что он будет делать. Для того, чтобы защищать страну, надо иметь какую-нибудь специальность. Новая система пионерской работы как раз и строится на том, что каждый пионер должен быть мастером. Вообще-то он должен знать обо всем, но о чем-нибудь одном он должен знать все и хорошо. Каждый пионер должен знать, какую он может принести пользу стране в трудную минуту.

Вы спросите:

— Где нам получить нужные знания?

А вот, пожалуйста, с этого номера мы открываем фабрику на столе.

Это самая настоящая фабрика, только заочная. На первое время она будет иметь два цеха. Первый цех электротехнический, в нем мы будем готовить электротехников и монтеров. Каждый прошедший этот курс будет сам приготовлять элементы, моторы, делать проводку и т. д. Он научится чинить звонки, строить сигнализатор от воров, электрифицировать свои помещения, устраивать телефон.

Второй цех—инструкторов-фотографов. Здесь будут готовиться фотографы, умеющие строить аппараты, чинить их. Каждый сможет устроить у себя маленькую фотографию. В общем, выходя из нашей фабрики, каждый пионер будет пионер-мастером.

Теперь расскажем, как можно поступить на нашу фабрику и кто в ней может работать?

В нашей фабрике могут работать все. Для этого нужно собраться в группу, выбрать старшего группы и список с указанием фамилии, имени, возраста каждого кружковца отправить в редакцию. После этого группа получает номер, работает по заданиям, которые печатаются в журнале.

Каждый читатель может активно участвовать в работе нашей фабрики: он может писать, задавать вопросы, прорабатывать задания.

Все рабочие фабрики по нашим заданиям будут проводить экскурсии, обязаны практически помогать школе, отряду и писать нам о своей работе.

После прохождения курса заочного обучения всем устраивается проба (испытание), и если испытание проходит хорошо, то каждый получает на руки удостоверение о том, что он прошел курс заочного обучения.

Сейчас все ребята, желающие работать в мастерской, должны встать на учет и указать, в каком цехе они будут работать.

РАБОТАЕТ ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ ЦЕХ

Мастер—т. БУНИМОВИЧ

Кто совершенно не знаком с фотографией, тому она кажется чрезвычайно сложной и недостижимой. Однако, это только так кажется. Правда, фотография требует очень внимательного и терпеливого к себе отношения, но она доступна каждому, кто ею интересуется. В наше время фотографические аппараты устроены так, что даже дети могут очень скоро научиться с ними обращаться. Наш курс фотографии рассчитан на 12 уроков-бесед. Тот, кто внимательно проработает все беседы и выполнит все задания, сумеет научиться недурно снимать, и только тогда для него откроется интересное поле для работы. Как много бывает интересных моментов из жизни ребят в отряде и школе! Обо всем этом хотелось бы оставить память для себя и других. В каждом отряде, в каждой школе есть стенгазета. Эта газета станет особенно интересной, если в ней будут снимки того, что в нем описывается. Для этой стенгазеты, в первую очередь, и нужно будет использовать знания фотографии. Для того, чтобы хорошо овладеть фотографией, надо не ограничиваться только тем, что мы будем описывать в своих беседах, нужно читать книжки и журналы по фотографии. Журнал „Советское фото" и все книжки его библиотеки в этом деле окажут большую помощь. Несмотря на то, что фотография изучена людьми очень основательно, все же даже опытные фотографы часто делают ошибки, и многое для них бывает непонятно. Конечно, и для вас будут непонятные места в фотографии. Главное в таких случаях—писать нам об этом. На каждый вопрос вы всегда получите ответ. Самое же главное, на что нужно обратить внимание, чтобы не делать ошибок и не тратить зря пластинок и бумаги,—это не торопиться в работе, не забегать вперед, а выполнять по плану наши задания. Не запаздывайте с присылкой ваших работ и не откладывайте ваших вопросов в долгий ящик.

Что будет пройдено

В наш курс по фотографии входят следующие беседы: 1. Фотографическая оптика (объективы). 2. Устройство фотографических аппаратов. 3. Как производится съемка. 4. Как проявляются пластинки. 5. Как получаются отпечатки. 6. Как исправляются негативы. 7. Окончательная отделка снимков. 8. Увеличение снимков. 9. Изготовление диапозитивов (картин для проекционного фонаря). 10. Как показывать диапозитивы. 11. Как самому сделать фото-аппарат и приборы. 12. Как организовать фото-кружок и как в нем работать.

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ ОПТИКА

ЧТО ТАКОЕ ОПТИЧЕСКАЯ ЛИНЗА

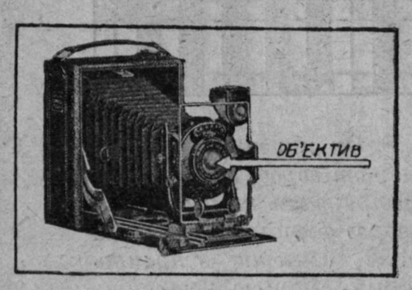

Рис. 1.

Каждый, кто видел фотографический аппарат, замечал, что спереди у этого аппарата есть небольшое круглое стеклышко. Этим стеклышком фотограф направляет свой аппарат на снимаемый предмет. Стекло это называется объективом (см. рис. 1). Это самая важная часть фотоаппарата. От качества объектива, главным образом, и зависит качество снимков

Стекла, из которых изготовляются объективы, не простые, а оптические. У них не плоские, а шаровидные (выпуклые или вогнутые) поверхности. Из таких стекол делают очки, бинокли и другие оптические приборы.

Существует шесть основных типов оптических стекол, которые показаны на рис. 2. Стекла I, II и III—называются отрицательными или рассеивающими. Эти стекла служить фотографическими объективами не могут. Они рассеивают падающие на них лучи. Сквозь рассеивающие стекла предметы кажутся уменьшенными. В отличие от первых трех типов, следующие три типа стекол IV, V и VI, наоборот, не рассеивают, а собирают в одну точку падающие на них лучи. Стекла эти увеличивают предметы при разглядывании сквозь них и называются положительными или собирательными, а иногда просто увеличительными. Такие стекла и могут быть фотографическими объективами. Название всех этих видов стекол дано на рис. 2. Оптические стекла принято называть линзами. В дальнейшем мы так и будем их называть.

Рис. 2.

Чтобы представить себе разницу между простыми и оптическими стеклами, посмотрите на рис 3. Здесь показаны три стекла: вверху обыкновенное, не оптическое (плоское) стекло, посредине рассеивающая и внизу собирательная линзы. Тонкими линиями показаны лучи света. Эти лучи, пройдя сквозь простое стекло, продолжают итти в том же направлении и дальше. Совершенно другое явление происходит при прохождении этих лучей сквозь оптические линзы: пройдя рассеивательную линзу, лучи начинают расходиться в разные стороны, а пройдя собирательную начинают сходиться в одну точку, т. е. и в том и в другом случае лучи отклоняются от своего первоначального направления. Это явление в физике называется п р е л о м л е н и е м.

ВВЕРХ НОГАМИ

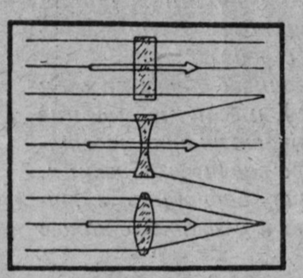

Рис. 3.

Теперь посмотрим, каким образом благодаря объективу получается изображение предметов на фотографической пластинке.

Дело в том, что все предметы отражают лучи света, которые на них падают. Эти отраженные лучи попадают в наш глаз, и мы видим предмет. Когда света нет, предметы его не получают и им нечего отражать—поэтому в темноте мы их не видим. Это как-будто непонятное явление сразу станет ясным, если вы возьмете зеркало и выйдете с ним на солнце. Каждый из вас, наверно, знает, как нужно пускать зайчиков. Попробуйте пустить зайчика в темный угол комнаты—если у вас будет большое зеркало, вы сумеете хорошо осветить этот угол. Откуда же взялся этот свет? Это и есть отраженный от зеркала солнечный свет Как видите, зеркало само не светится, а свет дать может, потому что оно его отражает. Другие предметы не так сильно, как зеркало, но все же достаточно хорошо его отражают.

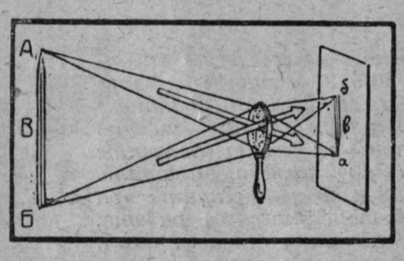

Рис. 4.

Теперь возьмем карандаш, поставим перед ним собирательную линзу (см. рис. 4), а позади линзы поставим лист белой бумаги, и мы увидим на листе бумаги наш карандаш в уменьшенном и перевернутом виде. Чтобы карандаш был хорошо виден, его нужно сильно осветить. Карандаш этот по всей своей поверхности отражает падающий на него свет. Из каждой точки на карандаше исходят лучи света во все стороны. Возьмем две крайние точки *А* и *Б* и из всех лучей, исходящих из этих точек, возьмем только те пучки лучей, которые падают на наше стекло. Лучи эти преломятся и начнут собираться в одну тучку: лучи, исходящие из точки *А*, соберутся в точку *а*, а из точки *Б* в точку *б*. Не желая делать наш рисунок запутанным, мы не показываем хода лучей от других точек, но если представим себе это мысленно, то увидим, что лучи из точки *В* соберутся в точке *в* и т. д., таким образом, каждая из точек будет рисовать на бумаге соответствующую ей точку (схода лучей), и в результате мы получим на бумаге изображение карандаша. Точно таким же образом получается на бумаге изображение и всяких других предметов. В фотографическом аппарате вместо бумаги специальная фотографическая пластинка, которая и закрепляет изображение отражающихся на ней предметов (подробнее об этом будет говориться в следующих беседах).

ФОКУСНОЕ РАССТОЯНИЕ

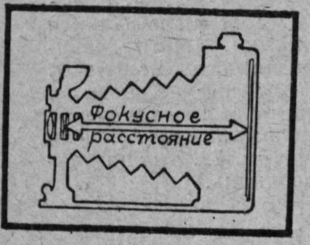

Рис. 5.

Для того, чтобы ясно представить себе, что такое фокусное расстояние, возьмите фотографический аппарат и проделайте с ним следующий опыт: откройте объектив и направьте ваш аппарат на какой-нибудьнедалекий предмет,например на окно. Посмотрите теперь на матовое стекло аппарата (оно находится сзади), и вы увидите на нем изображение оконной рамы. Это изображение не всегда будет резким; чтобы получить полную резкость, вам придется двигать объектив вперед или назад. Когда резкость будет найдена, отойдите от окна в глубь комнаты и снова посмотрите на матовое стекло, вы опять увидите, что изображение стало не резким. Чтобы получить резкость—вам придется немного приблизить объектив к матовому стеклу, т. е. сократить расстояние между ними. Это-то расстояние между объективом и матовым стеклом и называется фокусным расстоянием (см. рис. 5). Но как мы видели из только что проделанного опыта, расстояние это меняется. Какое же обозначение дано на оправе объектива? Чтобы уяснить это, продолжим наш опыт: направим наш аппарат через окно на улицу, например на противоположный дом. Чтобы получить резкое изображение этого дома, нам придется еще немного сократить фокусное расстояние, т. е. придвинуть объектив к матовому стеклу. Теперь, не изменяя фокусного расстояния, направим наш аппарат на далекий дом, затем на далекую гору, а затем и на облака и будем все время смотреть на матовое стекло и мы увидим, что теперь нам уже не придется менять фокусного расстояния, так как все далекие предметы будут одинаково резки при этом расстоянии. Это-то фокусное расстояние и обозначается на оправе об'ектива. Оно замечательно тем, что все предметы, находящиеся на достаточно большом расстоянии (дальше, чем на 20—25 метров), при этом фокусном расстоянии получаются резкими на матовом стекле. Это фокусное расстояние называется п о с т о я н н ы м, или г л а в н ы м ф о к у с н ы м р а с с т о я н и е м в отличие от того, с которым мы сталкивались в начале нашего опыта, которое называется переменным.

Постоянное фокусное расстояние обозначается французской буквой F, и, если, например, мы имеем на оправе объектива обозначение F = 15 *см*, как на рис. 5,это значит, что постоянное фокусное расстояние равно 15 *см* (иногда длина фокусного расстояния обозначается в миллиметрах).

ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИЙ ЦЕХ

ЭЛЕКТРИФИЦИРОВАННЫЙ ДОМ

Мастер—т. **КАЛАШНИКОВ**

Первым этапом работы электротехнического цеха будет электрифицированный дом.

Все ребята—рабочие этого цеха—должны внимательно поработать над предложенными вопросами и сообщить о своих успехах.

НАЧЕРТИМ ПЛАН

Вероятно, известно всем, что электрический ток передается от электрической станции к лампочкам, дающим свет по тонким проволокам—проводам.

В нашем „электрифицированном доме“ расположим провода как можно более коротким путем, не путая их. Ведь, при правильном, продуманном расположении проводов получим большую выгоду.

Мы меньше затратим проводов, которые нам очень нужны.

Чтобы легче нам расположить провода в доме, начертим план дома и на нем все провода, лампы, звонки, выключатели и т. д. (черт. 1).

Но нам нужно быстро прочитать план проводки электрического освещения. Так давайте условимся все наши планы и схемы чертить условными знаками (черт. 2).

Черт. 1.

ХИМИЧЕСКОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО

Итак, план дома готов. Теперь на нем нужно расположить нашу „электрическую станцию“ так, чтобы провода, идущие от „станции“ к лампочкам, не были длинными. Всего удобнее поместить нашу электрическую станцию в коридоре, коридор не должен быть холодным (черт. 1).

Есть такой закон, что из ничего не сделаешь ничего. Так и электрический ток не сделаешь из ничего. Из чего же мы на своей станции будем „делать“ электрический ток? Мы воспользуемся услугами химии, и электрический ток получим химическим путем. Так, химическим путем получается электрический ток в хорошо известных батарейках для карманного фонаря. Но для нас батареи для карманного фонаря непригодны. Будем делать сильную и долго работающую батарею.

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ ИЗ ПУСТЯКОВ

Наша станция будет состоять из элементов Томсона. Этот элемент прост в изготовлении и не слишком дорог.

Работать он может неограниченно долгий срок, если за ним немного ухаживать. Один недостаток у элементов Томсона: не любят они, когда их переносят с места на место и взбалтывают жидкость. Но нам и не нужно переносить их. Мы свою станцию поставим на полку, повыше к потолку. Так как мы задались целью устроить освещение от 15 лампочек для карманного фонаря да провести электрический звонок, то мы и будем строить элемент Томсона, рассчитанный на питание 20 лампочек.

Для положительного полюса элемента возьмем железную пластинку размером 560 × 280 *мм*. Вырежем ее из тонкой жести. Но жесть покрыта оловом, а нам олово не нужно, мы очистим пластинку от олова, положив ее в печь на горящие угли. Пластинка раскалится докрасна, и олово сгорит. Вынув из печки пластинку, вычистим ее шкуркой. К одной стороне железной пластинки припаяем кусок медного провода, длиной в 250—300 *мм*. Провод должен быть изолированным со слоем, так называемой, вулканизированной резины. Такие провода электромонтеры называют „провода Гупера“. Если такого „провода Гупера“ не найдем, возьмем простой звонковый провод и протрем его расплавленным парафином или воском. То место, где припаян провод к пластине, намажем асфальтовым лаком. Да лучше будет, если и весь провод покрасить им.

Отрицательным же полюсом элемента возьмем цинковую пластинку, которую нужно брать возможно толще, т. к. цинк постепенно растворяется. Самая меньшая толщина цинковой пластинки должна быть не менее 1 *мм*.

Лучше же цинковую пластину отлить из разных обрезков, кусочков цинка. Цинк легко плавится на примусе и выливается в форму, изготовляемую из листового железа по размерам пластины. Размер цинковой пластины 280—520 *мм*. Как и к железной, так и к цинковой припаян такой же гуперовский провод.

провода соединяются.

провода перекрещиваются

лампа.

переносная лампа.

люстра.

выключатель.

штепсель.

батарея элементов.

звонок.

кнопка звонка.

Черт. 2.

СТАНЦИЯ В ЯЩИКЕ

Обе пластины поместим в прямоугольный сосуд размером больше пластин. Но такого размера сосуды в продаже найти трудно, если и найдем, то они будут слишком дороги. Сделаем их сами из дерева.

Берем обыкновенный тес (лучше со шпунтом) и сколотим гвоздями ящик длиной в 580 *мм*, шириной в 300 *мм* и высотой в 80 *мм*. Ясно, что из такого сосуда вся жидкость вытечет, поэтому сделаем ящик водонепроницаемым, промазав его смолой, расплавленным воском, парафином и т. п. Или же покроем ящик несколько раз асфальтовым густым лаком.

На дно сосуда кладем железную пластинку, под которой помещаем цинковую пластинку. Пластины ни в коем случае не должны касаться друг друга. Мы пластины друг от друга отделим фарфоровыми роликами возможно большего размера или, если таких роликов нет, горлышками от пузырьков из-под лекарств, которые нужно отрезать поаккуратнее.

Отрезать горлышки от склянок легко: нужно надпилить ребром напильника горлышко по окружности, а потом надломить его.

Как собирается элемент Томсона, видно из чертежа 3.

Черт. 3.

СОЛЕНЫЙ ЭЛЕКТРОЛИТ

Когда таким образом элемент собран, его надо „зарядить“, т. е. в сосуд с находящимися в нем пластинами-электродами нальем раствор—электролит.

Электролитом служит обыкновенная растворенная в воде поваренная соль, которой солят щи.

Растворим соль в чистой теплой воде, как говорят, до насыщения, т. е. пока прибавляемая соль не будет растворяться в воде и будет нерастворенной лежать на дне.

Приготовленный соляной раствор нальем в сосуд с пластинами так, чтобы цинковая пластина была покрыта соляным раствором сантиметра на два.

ЦЕНА 20 КОП.

ПОМОЖЕМ ПРОЛЕТАРСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

ВЫЗОВ ПИОНЕРАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ-ПИОНЕРЫ И ШКОЛЬНИКИ, И ВСЕ ПРОЛЕТАРСКИЕ ДЕТИ!

Партия и советская власть вызывают нашу организацию юных ленинцев на большое ответственное дело—помочь государству в хлебозаготовках.

По плану великой пятилетки трудящиеся СССР горячо принялись за социалистическое строительство. Мы буравим землю, роем шахты. Новые нефтяные фонтаны и забои каменного угля дадут топливо нашим фабрикам, которые будут непрерывно день и ночь работать, чтобы покончить с бедностью, нехватками, с отсталостью в промышленности и хозяйстве города и деревни.

План пятилетки не только написан, но уже выполняется с небывалым подъемом. Рабочие и крестьяне объявляют социалистическое соревнование: кто лучше, быстрее, чище сработает свою долю в великой пятилетке.

Задача деревни—поднять производительность своих полей, весь собранный хлеб поставить на службу социалистическому строительству, все хлебные излишки сдать в советские амбары.

Правительство постановило к 1 декабря собрать 137 млн. центнеров хлеба. 58 млн. центнеров уже собрано. На октябрь дано задание—45 млн. центнеров.

Хлеб—участник социалистического строительства. Классовый враг, кулак и его подпевалы, это понимают и всячески мешают нашим хлебозаготовкам; они сбивают темных крестьян, уговаривают их продавать излишки частнику. Пробравшись в наши хлебозаготовительные органы, гноят и расхищают наши запасы. Все это для того, чтобы сорвать нашу пятилетку, затруднив приток хлеба в город. Пионеры, а вместе с ними и вся пролетарская детвора не раз доказали советской власти свои силы и уменье в общественных делах, в перевыборах советов, посевной кампании, борьбе с неграмотностью.

Возьмем на себя очередное боевое задание добиться, чтобы весь излишек хлеба был сдан в советскую житницу. Ни одного центнера частнику-кулаку! Поможем хлебозаготовительным органам вскрыть излишки у кулаков, не желающих дать хлеб городу. Объявим между отрядами, школами, колхозами и артелями социалистическое соревнование на лучшее участие в хлебозаготовках. Лучшие из участников соревнования по району пусть шлют отчеты о своей работе в комиссию при «Газете Дружных Ребят».

ЦБ и ДКО, Наркомпрос и «Газета Дружных Ребят» призывают всех пионеров и всех ребят деревни принять участие в хлебозаготовительной кампании и объявляют премии за лучшее участие детей в хлебозаготовках.

Зам. председателя ЦБ ДКО **А. Высоцкий**

Ответственный редактор «Газеты Дружных Ребят» **Е. Фрумкина**

КАК МЫ БУДЕМ УЧАСТВОВАТЬ В ХЛЕБОЗАГОТОВКАХ?

1. Центральное бюро ДКО, редакции «Газеты Дружных Ребят» и «Пионерской Правды», Наркомпрос РСФСР и Хлебоцентр с 1 октября 1929 г. по 15 января 1930 г. объявляют социалистическое соревнование на лучшее участие пионерских отрядов и школ в проводимой кампании хлебозаготовок.

Основная задача соревнования заключается в вовлечении широких слоев детворы в участие за быстрейшее выполнение хлебозаготовительных планов села, района.

2. Всей этой работе необходимо придать политическое значение в борьбе с кулацкими элементами, классово закаляя и воспитывая пионерорганизацию и батрацко-бедняцких и середняцких детей.

3. ЦБ ДКО поручает всем бюро ДКО, всем редакциям пионерских газет, **на основе данной директивы, развернуть широкий инструктаж отрядов и школ и организовать проверку работы.**

4. Всем бюро ДКО, отрядам и школьникам необходимо:

а) развернуть разъяснительную работу в избах-читальнях, красных уголках, отрядах, школах, на крестьянских сходах, собраниях бедноты, молодежи, в колхозах и отдельных крестьянских дворах;

б) организовать освещение хода хлебозаготовок и соревнования в стенных газетах, листовках, бюллетенях и т. п.;

в) организовать проведение агитпостановок, вечеров, агитсудов, разъясняющих задачи хлебозаготовок и призывающих к дружному проведению кампании;

г) оказывать содействие хлебозаготовительным и местным комиссиям в выявлении хлебных излишков, а также злостных укрывателей хлеба; организовать красные обозы с привлечением своих семейств к сдаче хлеба;

д) по примеру перевыборной кампании советов организовать оповещение сдатчиков хлеба (разноска повесток, расклейка различных объявлений, плакатов, листовок и прочее);

е) оказывать помощь хлебозаготовительным органам в выявлении недостатков в работе аппарата и устранении их (через пионерскую «легкую кавалерию»);

ж) организовать борьбу с хлебными вредителями на ссыпных пунктах и борьбу за экономное использование тары.

5. Центральное бюро вместе с указанными выше организациями устанавливает несколько премий для лучших пионеротрядов, школ, детских коммун, артелей и колхозов, участвующих в социалистическом соревновании по хлебозаготовкам. **На местах также необходимо бюро ДКО вместе с заинтересованными организациями объявить премии лучшим отрядам и школам, участвующим в хлебозаготовках.**

Зам. пред. ЦБ ДКО ЦК ВЛКСМ
А. Высоцкий

УСЛОВИЯ СОРЕВНОВАНИЯ И ПРЕМИИ

1. Детские колхозы и коммуны: 1-я премия—триер или другие сельскохозяйственные машины на сумму стоимости триера; 2-я премия—2 пары племенных кроликов, 5 штук породистых цыплят, 1 окучник; 3-я премия—спортигры, библиотека по сельскому хозяйству из 100 книг.

2. Пионеротряды, школы: 1-я премия—сельхоз. машин на сумму 200 руб. и лошадь с упряжью; 2-я премия—громкоговоритель, 5 штук породистых цыплят и инкубатор; 3-я премия—семена корнеплодов, трав для опытного участка и винтовка «Геко» с патронами.

3. Отдельным ребятам: 1-я премия—радиоприемник и лыжи; 2-я премия—библиотечка детской художественной литературы и спортигра, 3-я премия—спортигры, библиотечка.

Общее число премий устанавливается для коммун и колхозов: 1-х премий—2, 2-х—5, 3-х—10. Для школ и пионеротрядов—1-х премий—2, 2-х—5, 3-х—10. Для одиночек 1-х премий — 10 и 3-х—5.

Школы и пионеротряды и отдельные ребята, не получившие премий, но работа которых будет отмечена как активная работа, получат диплом, библиотечку книг, рыболовные принадлежности, бесплатно «Газету Дружных Ребят», журнал «Дружные Ребята» и другие пионерские газеты и журналы.

Кроме того, ребята, приславшие в газету лучшие материалы о проведении конкурса, получат особые премии.

Отряд, школа, коммуна, колхоз и одиночки, желающие получить премию, высылают по адресу «Пионерской Правды» и редакции «Дружных Ребят» следующие материалы:

а) Отчет о проведенной работе с указанием того, что вами конкретно проделано в помощь хлебозаготовкам, и в какой мере вы улучшили ход хлебозаготовок по всей деревне (желательны количественные показатели и кто был активным участником)

б) Справку от райкомиссии из своего сельсовета подтверждающую отчет.